ДВАДЦАТЬ ДВА НЕСЧАСТЬЯ 15

СУГРАЛИНОВ Д. ФОНД А.

18+

Двадцать два несчастья

Данияр Сугралинов

Двадцать два несчастья. Книга 15

«Автор»
«Автор»
2026

Сугралинов Д.

Двадцать два несчастья. Книга 15 / Д. Сугралинов — «Автор», «Автор», 2026 — (Двадцать два несчастья)

Вот и сказочке конец, а кто слушал — молодец! Когда история подходит к логическому концу, когда все враги строго наказаны, все друзья спасены, а родственники — хорошо устроены, так и хочется спросить, а что же дальше? Не знаем, как это обычно у других происходит, а вот с Серегой Епиходовым случилось не так, как у всехПримечания автора:Это уже пятнадцатая книга о приключениях лучшего в мире суслика Серёги Епиходова.«Я не знаю, кто меня сюда послал. Но претензии у меня к нему серьезные». (с) Епиходов С. Н.

© Сугралинов Д., 2026
© Автор, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Интерлюдия 1. Прохор Евграфович 12
Глава 2 14
Глава 3 21
Глава 4 27
Глава 5 33
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Фонд А., Данияр Сугралинов
Двадцать два несчастья. Книга 15

Глава 1

Изотова, поджав губы, напряженно ждала моего ответа, и вот тут внутри меня шевельнулось что-то гаденькое, липкое. Она все-таки попросила моей помощи, хотя с первой минуты работы комиссии гнула свою линию о моей некомпетентности. Все-таки попросила…

И почти сразу, не успел я даже додумать эту мысль до конца, накатил жгучий стыд, потому что за этой дверью на столе сейчас мучительно умирал человек, а я, теряя время, успел подумать о том, кто здесь оказался прав. Стыд был заслуженный, так что я его проглотил.

— Ничего не резать, Елизавета Петровна, — велел я, моментально переходя в рабочий режим. — Теплый физраствор на кишку, укройте и ждите. Сосудистые зажимы, атравматические, шов шесть ноль, гепарин на промывание. Катетеры Фогарти третий и четвертый номер. Иду.

— Сергей Николаевич, постойте, — сказал у меня за спиной Иванов. — Я обязан напомнить. Вы не состоите в штате этой больницы. В дежурную бригаду не включены. Если вы сейчас войдете в операционную, то это будет…

— Федор Ильич, — сказала Изотова, глядя на него поверх маски. — Епиходов приглашен мной как экстренный консультант на сосудистый этап. Решение о его привлечении принимаю я. Нетранспортабельность и отсутствие сосудистого хирурга внесете в протокол. Остальное разберем после операции. Сергей Николаевич, быстро мойте руки.

Иванов открыл рот и закрыл его, словно выброшенная на берег рыба. Изотова скрылась за дверью, и я услышал, как она требует у санитарки для меня чистый халат и перчатки.

Сам я пошел мыть руки. Долго втирал в кисти и предплечья антисептик, выдерживал положенные минуты и прикидывал, что сейчас буду делать.

У Лапина тромб закупорил верхнюю брыжеечную артерию — сосуд, который кормит почти всю тонкую кишку. Сидит он там несколько часов, и все это время кишка задыхается. Изотова вскрыла живот, увидела темные петли и остановилась. Правильно: вырезать сейчас все, что выглядит мертвым, — значит, оставить человека без тонкой кишки, а часть этих петель еще можно вернуть, если пустить в них кровь, которая не идет из-за закупорки.

Значит, кровь. Найти ствол артерии у корня брыжейки, пережать выше и ниже, вскрыть стенку поперек. Потом использую Фогарти — это тонкий катетер с баллончиком на конце. Со спущенным баллоном нужно будет провести его сквозь пробку и ниже, там баллон раздуть и потянуть на себя, чтобы он выгреб тромб через разрез. Тройку и четверку я просил потому, что ствол толстый, а ветви тонкие, и где именно сел тромб, на ощупь сразу и не скажешь: четверка в узкую ветвь не пройдет, а тройка в стволе проскочит мимо. Промыть, зашить, снять зажимы. И только когда кишка получит кровь, смотреть, что порозовело, а что осталось мертвым. Мертвое убрать. Ничего сложного. Справлюсь. Обязан справиться.

Когда я домыл руки, санитарка завязала на мне халат, и, натянув перчатки, я вошел.

Операционная в Морках была та же самая, где я уже работал: два окна под потолком, закрашенные белым, и старая лампа. Только на столе теперь лежал человек, которого я часа два назад у крыльца принял за спящего, а над его открытым животом стояла Изотова. Если не ошибаюсь, в прошлый раз мне ассистировала Сашуля… Да уж, злая ирония судьбы.

Я подошел к столу и оценил фронт работ: тонкая кишка занимала почти все поле. Вся она была багровой, местами аж синюшной, отечной, и ни одна из петель не двигалась. Между ними стояла мутная жидкость.

Брыжейка отекла и лежала толстыми складками, а той живой, едва заметной пульсации, которая есть у любого нормального живота, если приглядеться, не было и в помине. Первые петли тонкой кишки у самого корня были розовые, и сама толстая кишка тоже. Все остальное умирало.

Изотова стояла напротив и держалась прямо. На виске у нее из-под шапочки проступила полоска пота.

Немолодая операционная сестра, которую я видел впервые, уже разложила на отдельном столике сосудистый набор: тонкие изогнутые зажимы с мягкими браншами, сосудистые ножницы и иглодержатели, две упаковки шовного материала шесть ноль и лоток с раствором. Отдельно лежали два катетера в упаковках, оба четвертого номера. У стены стояла санитарка, Полина Фролова в операционном костюме и шапочке, и она встретилась со мной глазами.

— Тройки нет? — спросил я, качнув головой на катетеры.

— В наборе только четверки, — сказала Изотова.

— Есть тройка, — сказала Полина. — В шкафу, отдельно, синяя упаковка, я на прошлой неделе перебирала.

И пошла к шкафу, пока Изотова еще открывала рот. Сестра приняла у нее упаковку, вскрыла над лотком и проверила баллон. Изотова посмотрела на Полину.

Самарцев сидел у изголовья, глядя на монитор, и пальцами одной руки регулировал что-то на капельнице, а другой держал шприц. Рядом с ним стояла анестезистка в маске и очках, которую я тоже не знал. Она набирала в шприцы то, что сказал Самарцев.

— Лапин Илья Степанович, семьдесят один год, — сказала Изотова. — Мерцательная аритмия, антикоагулянт отменен неделю назад, гепарин пять тысяч в приемном. Спаек нет. Ствол я нашла, вот здесь. — Она показала кончиком зажима, не касаясь тканей. — Дальше не пошла.

— Правильно, что не пошли, — сказал я и запустил диагностику.

Диагностика завершена.

Объект: Лапин Илья Степанович, 71 год.

Основные показатели: температура 35,6 °C, ЧСС 124, АД 88/52, ИВЛ 16 в минуту.

Обнаружены аномалии:

— Острая эмболическая окклюзия верхней брыжеечной артерии: ствол ниже устья средней ободочной артерии; крупная дистальная подвздошная ветвь.

— Критическая ишемия тонкой кишки на протяжении.

— Необратимый некроз: ограниченный участок дистального отдела подвздошной кишки.

— Метаболический ацидоз, декомпенсация.

— Фибрилляция предсердий, тахисистолическая форма.

Динамика (сравнение с первой диагностикой в приемном, интервал 1 час 10 минут):

— АД: 108/70 → 88/52 на вазопрессорной поддержке.

— Ишемия тонкой кишки: ранняя стадия → критическая.

Прогноз: без восстановления кровотока летальный исход в течение 37 минут.

Тридцать семь минут, понятно. Отсчет пошел.

Главное, я знал теперь то, чего не знал никто в этой комнате: эмбол, в данном случае тромб, не один.

Первый в стволе, второй отдельно, ниже, в ветви к подвздошной кишке, и, если достать первый и успокоиться, тот кусок подвздошной, который она кормит, так и останется без крови.

— Пока ничего не удаляем, — сказал я. — Сначала вернем кровь. Потом посмотрим, что действительно умерло. Резать будем только то, что после этого не оживет.

Изотова коротко кивнула.

— Что мне делать? — спросила она.

— Вы знаете, что уже делали и где искали, — сказал я. — Показывайте доступ. Поперечную кверху, тонкую вправо, мне нужен корень.

Изотова уверенно отвела поперечную ободочную кишку с ее брыжейкой вверх, к печени. Сестра подала ей влажные салфетки, и темные петли тонкой кишки Изотова уложила направо, под руку ассистенту, которого не было, и потому она сама придержала их предплечьем. Корень брыжейки открылся: плотный отечный тяж, идущий от позвоночника вниз и вперед. Она натянула его пальцами, и я положил на него ладонь.

Ствол верхней брыжеечной артерии я нашел дальше нижнего края поджелудочной, слева от вены. Все как в учебнике. Под пальцами он был плотный и неподвижный. Выше, у самого края железы, что-то слабо толкалось. Ниже ничего.

— Здесь, — сказал я. — Держите так.

Брюшину над артерией я рассек ножницами, тупо раздвинул жировую клетчатку, и сосуд открылся: серовато-белая трубка толщиной с карандаш, без единого движения в стенке. Две мелкие ветки я отвел на тонких держалках, которые сестра подала прежде, чем я о них попросил. Сам ствол обошел диссектором и тоже взял на держалку, выше и ниже.

— Николай Борисович, гепарин, — сказал я. — Сколько и когда?

Самарцев поднял ампулу к свету, проверяя надпись, и я тоже посмотрел на нее. «Природа веществ» развернула расчет для Лапина.

«Гепарин»
Действующее вещество: гепарин натрия.
Класс: антикоагулянт прямого действия.
Взаимодействие с организмом: подавление дальнейшего тромбообразования.
Введено ранее: 5000 МЕ внутривенно, 65 минут назад.
Индивидуальная дополнительная доза: 1000 МЕ внутривенно.

— Пять тысяч в приемном, час назад, — торопливо отчитался Самарцев. — Добавляю тысячу сейчас, чтобы под зажимами ничего не встало. Сергей Николаевич, я вас должен предупредить. Давление держится на норадреналине и на инфузии, норадреналин у меня уже такой, что я боюсь за ту самую кишку, которую вы собрались спасать. Ацидоз растет, температура тридцать пять и шесть. Экстрасистолы пошли, пока одиночные. Сколько он так протянет, я вам не скажу, никто не скажет. Мое чутье говорит: минут пятнадцать, а потом либо сердце, либо почки. Возможно, и то и другое.

— Дайте двадцать, — сказал я.

— Дам, сколько получится, — ответил Самарцев.

Маленькие зажимы я наложил выше и ниже намеченного места так, чтобы они почти не сдавливали стенку. Сестра подала одиннадцатый скальпель, и я аккуратно сделал поперечный разрез на треть окружности. Крови не было, потому что стояли зажимы, а в самом просвете, чуть ниже разреза, виднелось что-то темное и плотное. Это был он.

— Четвертый Фогарти, — сказал я.

Сестра уже держала катетер наготове, со спущенным баллоном, а проверить его она успела заранее. Приоткрыв верхний зажим, чтобы понять, есть ли ток сверху, я получил тугую струю, которую сестра сразу прикрыла салфеткой. Хорошо. Сверху кровь была. Верхний зажим вернулся на место, нижний я снял и повел катетер вниз, в темный просвет.

Первое проведение пошло легко. Я протолкнул катетер сантиметров на восемь, чтобы кончик наверняка прошел за пробку, и сестра по моему кивку дала в баллон стерильного раствора, совсем немного, ровно столько, чтобы он коснулся стенок. Я медленно потянул. На сере-

дине пути почувствовалось мягкое, живое сопротивление, катетер потянул за собой что-то тяжелое, и из разреза вышел темно-красный сгусток длиной с фалангу пальца.

Следом из разреза в артерии пошла темная кровь. Шла она обратным током снизу, от кишки.

— Пошла, — сказала Изотова с таким облегчением, что я услышал его даже через маску.

Глядя на струю, я нахмурился. Обратный ток был, но не такой, как полагалось. Он не бил, а сочился вяло и с перебоями. Так случается, когда ниже стоит еще одна пробка. Судить о кишке по цвету было пока нельзя, верхний зажим стоял на месте и кровь туда не пускал, но и этого сочащегося ручейка мне хватало.

Я повторил диагностику, проверяя оставшуюся закупорку. В заключении оставалась строка:

Сохраняется эмболическая окклюзия крупной дистальной подвздошной ветви.

— Это не все, — сказал я. — Ниже сидит второй. Держите так.

Второе проведение уперлось. Катетер со спущенным баллоном прошел на ту же глубину и остановился, и когда я чуть добавил усилия, он не двинулся, а стал изгибаться в моих пальцах. Давить дальше было нельзя. Артерия в этом месте делится, четверка упирается в развилку, и, если прожимать ее силой, стенка расслоится или порвется, а мы вместо одной закупорки получим кровотечение, которое здесь, в Морках, некому и нечем будет остановить.

Я вытащил катетер и запросил другой:

— Третий.

Сестра подала тройку, и я мысленно поблагодарил Полину за синюю упаковку.

Теперь я включил топографическую визуализацию Системы.

Топографическая визуализация активирована.
Верхняя брыжеечная артерия: визуализация ствола и дистальной подвздошной ветви.
Зона окклюзии: за изгибом ветви.

— Угол надо поменять, — сказал я Изотовой. — Иначе она тоже упрется. Возьмите корень и приподнимите на себя, вот так, чтобы ветвь выпрямилась. И не двигайте руку, что бы ни происходило у изголовья.

— Поняла, — ответила она и взялась.

Тройка пошла намного легче. Я почувствовал, как она со спущенным баллоном легко и без сопротивления проскочила развилку, после чего ушла в ветвь — дальше, чем было нужно. Я отключил визуализацию Системы, чтобы поберечь силы: перед глазами уже начинало плыть, а ноги становиться ватными. Нельзя продолжать, рука должна быть твердой.

Сестра дала в баллон долю миллилитра. Я потянул и почувствовал сопротивление — катетер тащил за собой что-то большое и не хотел идти. Вот на этом такие операции и ломаются: раздуть баллон сильнее, и он повредит сосуд изнутри, ослабить, и он проскочит мимо эмбола, а тот оторвется и уйдет еще дальше, туда, где его уже никаким катетером не достать.

— Чуток спустите, — сказал я сестре. — Совсем чуть.

Она едва заметно отвела поршень. Сопротивление стало мягче, но осталось, и я принялся тянуть, без рывка, по миллиметру, чувствуя, как эмбол идет за баллоном и упирается в каждое сужение. У самого разреза он застрял, но я подтолкнул его пальцем снизу, через стенку, и он вышел.

Сестра подставила лоток. Длинный и темный кровяной сгусток лег в него. Он был с двумя отростками, повторявшими форму той развилки, из которой я его вытащил. Слепок артерии, только из свернувшейся крови.

Следом из артериотомии ударил обратный ток. И на этот раз он не слабо сочился, а бил пульсирующей струей, так что Изотова отшатнулась.

— Вот теперь пошла, — аж выдохнул я.

Потом промыл просвет гепаринизированным раствором, который не даст крови свернуться, вверх и вниз, вернул нижний зажим и коротко проверил приток сверху. Сестра подала иглодержатель с шестью нулями, и я зашил разрез непрерывным швом. Стежки ложились сами. Я завязал последний узел. Оба зажима пока оставались на месте.

— Сергей Николаевич, — сказал Самарцев.

Я поднял голову.

— Кровоток пока не пускайте, — сказал он. — Дайте мне тридцать секунд.

Я помнил про тридцать семь минут, и оставалось их не так много, чтобы раздавать по тридцать секунд. И все-таки понимал, о чем он, еще бы не понимать. Внизу, в этих багровых петлях, за несколько часов скопилось все, что откладывается в тканях без кислорода, и прежде всего калий. Как только я сниму зажим, все это одной волной хлынет в общий кровоток и ударит по сердцу: если Самарцев не встретит эту атаку подготовленным, пациент умрет через минуту после безупречно выполненной эмболэктомии.

— Даю, — глухо сказал я и снял руки с поля.

Самарцев работал быстро и молча. Анестезистка подала ему один шприц, потом второй, он подсоединил их к системе, что-то переключил на аппарате, и грудная клетка пациента заходила чаще: он заранее поднимал вентиляцию, уменьшение количества углекислоты в крови позволит скомпенсировать часть ацидоза. Потом он посмотрел на монитор и на меня.

— Полина, засеки время, — сказал он. — Теперь пускайте.

Я снял нижний зажим, потом верхний, и кровь пошла в брыжейку.

Первым, что я увидел, было движение в брыжейке. По аркадам, там, где под моим пальцем было тихо, прошел толчок, потом еще один, и в брыжейке появилась пульсация. Потом начала меняться кишка. Не вся и не сразу, но тем не менее. На одной из багровых петель у корня проступило светлое, розоватое пятно размером с монету, потом рядом еще одно, и они начали расползаться. Дальше, к середине, цвет пошел длинной волной вдоль петли, сначала от темно-фиолетового к багровому, потом от багрового к красному. На поверхности появился блеск. Одна петля вздрогнула и медленно сократилась.

— Ой, — тихо сказала Полина. Вырвалось.

И тут же за спиной у меня взвыл монитор.

Руки были в поле, и я слушал: ровный частый писк сменился редким, потом еще более редким, потом тревога пошла непрерывным гудком.

— Комплексы широкие, — сказал Самарцев. — Калий. Пульс на сонной есть. Давление семьдесят.

— Николай Борисович… — начал я.

— Поле не бросайте, — сказал он резко. — Кальций уже пошел. Сердце мое.

Дальше я слышал только звуки. Щелчки ампул. Его короткие отрывистые фразы, обращенные к анестезистке, а не к нам: «Инсулин с глюкозой», «Соду, ацидоз», «Вентиляцию выше».

Пульсовой сигнал на мониторе то срывался в редкие, растянутые гудки, то пропадал вовсе, и в эти провалы у меня холодело в животе. Держа палец на артерии, я снова вызвал диагностику и прочел строки о кровообращении:

Сердечная деятельность сохранена: ритм с широкими комплексами, 48 в минуту.
Кровообращение сохранено. АД 72/40. Критическая гипоперфузия.
Гиперкалиемия. Нарушение внутрижелудочковой проводимости.

Значит, сердце качало, а пропадал сигнал с пальца, потому что на таком давлении ему нечего было ловить. Самарцев вслух считал комплексы. Потом пульсовой сигнал возвращался, неровный, спотыкающийся. И снова пропадал.

Мы с Изотовой стояли над животом. Я держал палец на артерии ниже шва, чтобы чувствовать пульсацию и сразу заметить, если шов потечет. Изотова держала корень так, как я ее просил, ее руки будто окаменели. Полина стояла у стены и по знаку Самарцева смотрела на часы.

Снова пережать артерию я мог бы одним движением. Это придержало бы дальнейший выброс, но то, что уже ушло в кровь, назад бы не вернуло, а кишку, которая только начала оживать, снова оставило бы без крови. Я держал палец на месте.

Потом монитор запищал ровнее, еще ровнее, частота выровнялась, и Самарцев выдохнул так громко, что это услышали все.

— Сердце пока со мной, — сипло сказал он. — Давление возвращается. У вас десять минут, Сергей Николаевич, но ни минутой больше.

— Понял, — коротко ответил я.

Пульсация под моим пальцем шла ровно. Шов был сухим.

Кишку мы укрыли салфетками, сестра смочила их подогретым физраствором, который принесла Полина, и мы ждали, глядя на часы над дверью и на то, что происходило под салфетками. Большая часть тонкой кишки розовела. Да, неровно, да, пятнами, но розовела! Брыжеечные аркады пульсировали, я проверил в нескольких точках, выше и ниже. Две петли на глазах сократились, и по ним прошла медленная волна перистальтики. Живые, слава богу.

А один участок ниже, ближе к слепой, остался прежним. Сантиметров двадцать пять, может, тридцать. Серо-черный, матовый, без блеска, единственный такой на всем протяжении, и когда я коснулся его пинцетом, стенка осталась мертвой: ни сокращения, ни дрожи. Туда кровь пришла слишком поздно, и это была та самая мертвая часть, которую Система показала мне еще в самом начале.

Я убрал салфетку с этого участка и посмотрел на Изотову.

— Ваша граница? — спросил я.

Она поняла, о чем я спрашиваю. Наклонилась, оценила цвет, потрогала стенку, посмотрела на аркады выше и ниже, проверила, кровоточит ли край на насечке, и показала две линии. Одну сантиметров на десять выше серого, где стенка была уже уверенно розовой и сокращалась. Вторую на пять ниже, у самого перехода к нормальному цвету.

Я повторил диагностику, проверяя ткани по обе стороны намеченного участка:

Необратимое повреждение тканей за намеченными границами резекции не выявлено.

— Согласен, — сказал я.

Резекцию делала Изотова. Я держал брыжейку и следил, чтобы она отсекала сосуды близко к кишке и не забирала лишнего, потому что каждый сантиметр живой брыжейки теперь был нужен ему самому. Изотова ставила зажимы правильно и перевязывала без суеты. Рутина.

Мертвый участок ушел в лоток к сгусткам. Остались два конца живой кишки.

Соединять их сейчас было нельзя. Пациент оставался на вазопрессорах, кишка была отечная, стенки рыхлые, а те петли, которые порозовели последними, могли еще омертветь к утру. Анастомоз, то есть соединение концов кишки, с такими стенками у такого больного расходится с вероятностью, о которой не хочется думать, и в подобных случаях живот закрывают временно, а кишку соединяют на повторной операции, когда станет ясно, что выжило.

— Концы закрываем наглухо, живот временно, — сказала Изотова, глядя не на меня, а на кишку. — Через сутки повторная ревизия: увидим, что восстановилось окончательно, а что придется убрать.

Я поднял на нее глаза. Решение было правильным и, что важнее, ее собственным.

— Согласен, — сказал я.

Концы она ушила. Живот мы оставили открытым: кишку накрыли перфорированной пленкой, сверху уложили салфетки и дренажи, которые вывели к отсосу, и все это закрыли герметичной повязкой. Фасцию оставили неушитой: отек не позволял свести края, а завтра сюда предстояло входить снова.

— Давление держится на половинной дозе, — сказал Самарцев. — В реанимацию везти можно, но с осторожностью.

Я посмотрел на Лапина еще раз, уже отступив от стола, и вызвал диагностику с предиктивным моделированием.

Диагностика завершена.

Объект: Лапин Илья Степанович, 71 год.

Основные показатели: температура 35,9 °C, ЧСС 104, АД 102/60, ИВЛ 14 в минуту.

Обнаружены аномалии:

— Состояние после эмболэктомии из верхней брыжеечной артерии, кровоток восстановлен.

— Состояние после резекции сегмента подвздошной кишки, анастомоз не сформирован.

— Реперфузионный синдром: метаболический ацидоз, гиперкалиемия в стадии коррекции.

— Фибрилляция предсердий, частота желудочковых сокращений 104 в минуту.

Динамика (сравнение с диагностикой перед сосудистым этапом, интервал 52 минуты):

— Ишемия тонкой кишки: критическая → устранена на основном протяжении.

— АД: 88/52 → 102/60 при снижении вазопрессорной поддержки.

Прогноз при восстановленном кровотоке и продолжающейся интенсивной терапии: состояние критическое, риск летального исхода в ближайшие часы высокий, исход не определен.

Ну, хорошо хоть про минуты до летального исхода Система больше не говорила.

Стоило так подумать, как в глазах потемнело.

Внимание! Физическое истощение носителя.

Энергетический ресурс критически снижен.

Рекомендуется срочный прием пищи и восстановление.

Да, пора перекусить.

Интерлюдия 1. Прохор Евграфович

Олег с подвыванием потянулся и смачно зевнул — фу, как же тут скучно.

Скукорыльная скукотинушка!

Каждый день такой же, как предыдущий. Как близнецы-братья, йопта! Он не привык к столь размеренной жизни, какую все они вели в этом санатории. Да, с одной стороны, здесь вельми красиво: деревья, чистый воздух, тишина, птички всякие поют. А с другой — тоска зеленая. Олег любил нормальный движняк, любил, когда куча работы и чтоб суета была такая, что некогда даже присесть. А сейчас был вынужден возить туда-сюда старуху. Хотя теперь уже двух — еще одна набилась в подружки и ездила с ними по всяким старушечьим делам.

Элен, конечно, бабулец мировой и не сильно занудистая, не то что эта Капа, то есть Капитолина Леопольдовна. Леопардовна, как называл ее Олег втихушку. Но даже Элен его вконец подзадолбала: то ей надо ехать на маникюры, то какую-то фигню на подарки выбирать, то по магазинам. Единственная отрада — когда приезжали к дому Фроловых и Элен занималась там с пацаненком. Малец был занятный. Олег любил порой зайти и посидеть, послушать, как она дрессирует мелкого правильно выговаривать слова. Олег и сам когда-то заикался, но потом добрые люди научили разговаривать правильно.

Немножко напрягало, что Элен дала ему кличку — Прохор Евграфович. Это ж надо было придумать. Пока выучил, чуть не окосел. Но, как сказал ему шеф: не Патрисом Лумумбой назвала, и то ладно. Терпи, мол, братан.

Олег опять потянулся и взглянул на часы — времени еще оставалось достаточно. Элен он отвез в местный «салон красоты», а сам вернулся в санаторий. Случилась невиданная трагедия: бабуля сломала ноготь и впала на добрый час в истерику, вот и пришлось заводить тачилу. Хотя вряд ли тут нормально умеют пилить, или что они там делают. Больше, видимо, привыкли копыта лошадям подрезать. Но ладно, лишь бы бабуля угомонилась хоть ненадолго. Теперь нужно через час поехать ее забрать, желательно на пару минут раньше, а то, если, не дай Бог, на три минуты опоздаешь, она весь мозг звонками выдолбит, аки дятел. Ох-ох-ох, тяжела же ты, доля извозчичья. И как раньше народ ямщиками работал? Но такова судьба, такова Миссия.

Олег лениво посмотрел, как суетятся обитатели санатория. Ну что, обычный среднестатистический контингент, разве что тетя Нина немножко отличается. Суровый такой бабец. Видно, что судьба трудная у нее была, прошла даже медные трубы, да и готовит вкусно. Вот такую бы себе женой Олег с удовольствием взял, будь она помоложе. А так больше никого интересного тут особо и нет.

Хотя начальник санатория, Сергей Николаевич Епиходов, — фигура мощная. Так-то Олег понимал, почему им все вокруг восхищаются. Вот на него только посмотришь и даже не скажешь, что пацан молодой. Выглядит и ведет себя словно старпер какой-то, умудренный опытом и сединами. Да еще и начальник. Его решения Олегу импонировали. Со многим он был даже согласен, но при этом считал, что Епиходов слишком мягкотелый: усадил себе на шею всю эту челядь и тащит. По мнению Олега, надо было их всех построить по струночке и отправить маршировать правильными рядами, и чтобы еще чеканили шаг, тогда бы и порядок был, и дисциплина. А то хоть в основном бабы старые, а каждая порулить норовит.

— Ишь ты. — Олег укоризненно покачал головой, снова глянул на часы и принялся собираться. Пора ехать забирать старушенцию.

Сегодня в санатории было многолюдно, что-то все сновали туда-сюда, то одни, то другие. Мужик приходил этот, Карасев или как там его? Вот это мужик так мужик. Его Олег сильно уважал и даже чуток опасался. Такой он конкретный, видно, что всю братву местную держит под собой, и они там без его разрешения пикнуть боятся. Но, как ни странно, Серега Епиходов с ним общий язык быстро нашел и, нимало не тушуясь, разговаривал почти на равных.

Это у Олега вызывало уважение и жгучий интерес.

Но, прежде чем ехать, надо было сделать еще одно дело. Олег набрал знакомый номер и сказал:

— Привет, Владимир, я тут кое-что странное видел…

Глава 2

Темноту в глазах я переждал у стены операционной, на миг испугавшись, что это неспроста, а потом, стянув перчатки, следом за Изотовой вышел в коридор. У дверей блока нас ждали Чугуев, Иванов, Бурштейн, Щукин со своей тетрадью и чуть в стороне Наиль.

— Ну что, Елизавета Петровна, жив? — с тревогой в голосе спросил Чугуев.

— Жив, Петр Петрович, — ответила Изотова.

Я сел на первый же стул, и Наиль сразу подошел ко мне.

— Сергей Николаевич, вы совсем белый, — озабоченно проговорил он.

— Мне бы срочно поесть, Наиль, — признался я. — Пищеблок на первом этаже, в конце коридора. Попроси там чего-нибудь горячего и сладкого попить.

— Понял, сейчас принесу, — сказал он и быстро ушел.

Услышав про еду, Бурштейн достал из кармана пиджака шоколадку и вложил ее мне в руку.

— Спасибо, Яков Моисеевич, — пробормотал я, надрывая обертку.

Так что дальнейшее слушал сидя и с шоколадом за щекой.

— Пишите, Григорий Владленович, — велела Изотова, повернувшись к Щукину. — Решение об экстренной лапаротомии принимала я. Эмболэктомию из верхней брыжеечной артерии выполнил Епиходов, которого я привлекла консультантом. Анестезию и стабилизацию вел Самарцев. Состав бригады возьмете из операционного журнала, и санитарку Фролову тоже впишите.

— Елизавета Петровна, я все же обязан заметить, — подал голос Иванов. — В операционной без приказа и без допуска работал посторонний человек, и это…

— Решение о привлечении консультанта я сегодня же оформлю письменно и с указанием времени, Федор Ильич, — перебила его Изотова. — Григорий Владленович, допишите. Экспертное заключение по трем прежним операциям Сергея Николаевича в этой больнице я сдам завтра, а суть скажу сейчас, чтобы никто не гадал до утра. Экстренность во всех трех случаях подтверждена записями в историях. Нетранспортабельность аргументированно подтверждена заключением анестезиолога. Доступной альтернативы в больнице на тот момент не было. Показания к вмешательству и его выбор обоснованы. Замечания по оформлению документов остаются в силе.

— Елизавета Петровна, вы сегодня оперировали вместе с Сергеем Николаевичем, — напомнил Иванов. — Вы понимаете, как после этого будет выглядеть ваше заключение?

— Это будет заключение эксперта, Федор Ильич, — отрезала она. — Днем я спрашивала Сергея Николаевича, понимал ли он свою ответственность. Он понимал, и на операции я лично это проверила.

Вот тут у меня, чего скрывать, капитально так отлегло.

— Тогда от Сергея Николаевича мне нужно письменное объяснение, на каком основании он вошел в операционную, — заявил Иванов. — К началу заседания оно должно лежать у меня.

— Будет вам объяснение, Федор Ильич, — пообещал я, жуя шоколадку.

— Заседание переносится на завтра, на десять утра, — объявил Чугуев. — Собираемся там же, в кабинете главного врача. Сергей Николаевич, вас это тоже касается.

— Приду к десяти, Петр Петрович, — подтвердил я.

Двери блока раскрылись, и анестезистка с Полиной Фроловой вывезли каталку с Лапиным. Самарцев шел рядом, сжимая дыхательный мешок.

— Николай Борисович, он выживет? — тихо спросил Иванов.

— Спросите меня утром, Федор Ильич, — на ходу ответил Самарцев. — Переживет ночь, тогда и поговорим.

Изотова пошла следом, но через несколько шагов обернулась ко мне.

— Исполнение предписаний по санаторию я буду проверять лично, Сергей Николаевич, — сообщила она. — Не обольщайтесь.

— Я и не обольщаюсь, Елизавета Петровна, — заверил я.

Она еще смотрела на меня, и я развернул ее профиль.

Изотова Елизавета Петровна, 47 лет
4-й уровень социальной значимости.
Отношение к носителю: Признательность.
Сокрытое: Зависть.
Биологический возраст: 52 года.

При первой встрече на месте признательности стояла враждебность, а зависть осталась прежней. Ну и ладно.

Наиль вернулся из столовой с подносом, и мы ушли в пустую ординаторскую хирургии. Принес он щи, гречку с котлетой и компот с кусочком хлеба. Почти не ощущая вкуса, я жадно начал все это есть. Наиль все это время молча сидел напротив, за что я был ему благодарен.

Подкрепившись, я пересказал ему, что продиктовала Изотова и чего хочет Иванов.

— Объяснительную напишешь сам, Наиль? — попросил я. — От меня там будет только одно, запиши: «Нетранспортабельность пациента установлена оперирующим хирургом и анестезиологом, сосудистого хирурга в штате больницы нет, Изотова пригласила меня как экстренного консультанта на сосудистый этап». Про статью одиннадцатую и экстренную помощь ты напишешь лучше меня. И перечень предписаний по акту тоже на тебе: кто за что отвечает и что требуется лично от меня. Утром я прочту его на свежую голову. Сейчас устал.

— Сделаю, Сергей Николаевич, — отозвался Наиль, дописав тезисно в блокнотик. — Есть новости по нашим делам. Пока вы оперировали, позвонил следователь. Запись блогера Павлика он принял. Участковый съездил к Смирновым, и Любовь Павловна все ему повторила, в том числе про полено. По нападению на Япара ее оформили подозреваемой, а третий пожар в роще идет по неосторожности, и его выделяют в отдельное производство. Следователь сказал, что по первым двум случаям к ней вопросов пока нет, потому что там, мол, совсем другая история. Вас он просил перезвонить, как сможете.

— Позвоню завтра, — пообещал я. — Тогда же и Карасеву про Смирнову скажу.

— Вас отвезти в санаторий, Сергей Николаевич? — спросил Наиль.

— Нет, езжай один, — ответил я. — Первые часы после такой операции самые опасные, и я должен быть рядом с Лапиным.

Наиль уехал, а я ушел в реанимацию и просидел там с Самарцевым до темноты. Ближе к полуночи он подозвал меня к койке.

— Сергей Николаевич, давление держится, но калий мне не нравится, — сердито сказал Самарцев.

Я запустил диагностику, и в заключении появились две новые строки:

Калий плазмы 5,9 ммоль/л.
Глюкоза плазмы 3,9 ммоль/л, снижение.

— Николай Борисович, сахар вы давно замеряли? — спросил я.

— Полчаса назад вместе с калием, — ответил он. — Было пять и одна.

— Перемерьте сейчас, — попросил я. — По-моему, сахар уже ниже четырех.

Самарцев сразу позвал постовую сестру с глюкометром. Пока она колола Лапину палец, я разглядывал стойку у изголовья. В перфузорах шли норадреналин и гепарин, выше висели

флакон глюкозы с инсулином и почти пустой флакон соды, а на столике рядом с листом назначений лежали ампулы кальция.

Инсулин с глюкозой и сода загоняют калий из крови в клетки, но из организма он при этом никуда не девается и через пару часов возвращается обратно. Оживающая кишка тем временем продолжает отдавать в кровь все, что в ней накопилось. Выводят же калий почки, а они после гипотонии работают вполсилы. Значит, ни одно лекарство на этой стойке калий из организма не выводит, а инсулин тем временем уже снижает Лапину сахар.

— Сахар три и восемь, Николай Борисович, — доложила сестра, сверившись с прибором.

И тут меня накрыло легкой эйфорией, а следом перед глазами всплыла системка:

Улучшен талант «Природа веществ».

Текущий уровень таланта — 3.

В прошлый раз вышло так же: в пансионате я сам рассчитал старику Егору Саввичу дозы таблеток, и только тогда талант вырос.

Сообщение Системы сменилось описанием:

Природа веществ 3-го уровня

Доступен анализ многокомпонентной схемы: совокупное действие нескольких веществ на организм конкретного человека, их взаимное усиление и ослабление.

Рецептура недоступна: недостаточный уровень таланта.

А вот это было очень кстати! Я снова посмотрел на стойку, и талант сработал.

Анализ схемы воздействия на объект: Лапин Илья Степанович, 71 год

Компоненты в поле зрения: норадреналин; гепарин натрия; глюкоза с инсулином; натрия гидрокарбонат; кальция глюконат.

Совокупное действие схемы для данного организма: перераспределение калия из плазмы в клетки. Компонент, обеспечивающий выведение калия, в схеме отсутствует.

— Николай Борисович, — сказал я. — Скоро калий вернется в кровь, а второй раз вводить инсулин уже нельзя, потому что сахар у Лапина и так упал ниже нормы.

— Согласен, — отозвался Самарцев, мельком взглянув на флакон с инсулином. — Инсулин отменяю, ввожу глюкозу и проверяю сахар, пока не придет в норму. Снова дам инсулин, только если глюкометр покажет, что сахар это позволяет. Выводить калий здесь могут только почки, а подстегнуть их я смогу фуросемидом, когда восполню потерю жидкости и пойдет моча. Если почки не справятся, понадобится диализ, которого в Морках нет, так что Йошкар-Олу я предупрежу заранее. А вы идите спать, Сергей Николаевич, до утра с ним буду я.

Ответ меня вполне устроил, так что я кивнул и пошел покемарить.

Постовой сестре объяснил, что лягу в ординаторской хирургии и что по Лапину меня нужно будить сразу.

В ординаторской у вешалки стояла Изотова, уже в пальто. Она тоже хотела остаться, но по ней было видно, что она едва стоит на ногах, так что мы с Самарцевым уговорили ее пойти домой. Однако она почему-то не ушла.

— Я ждала вас, Сергей Николаевич, — окликнула она и тихо сказала: — Говорю не для протокола и повторять этого нигде не стану. Обращение на вас пришло в наш территориальный орган не само по себе. К нему приложено сопроводительное письмо из министерства с просьбой включить в проверку ваши операции в Моркинской ЦРБ.

— Кто же просил министерство о таком письме, Елизавета Петровна? — спросил я.

— Кто писал обращение и кто просил о письме, я не знаю, — ответила она. — Письмо лежит в материалах проверки, и его номер и дату Наиль Русланович может запросить у Чугуева. А теперь я домой. Жалко только, что отдохнуть толком не получится — мне еще писать заключение. Если вдруг что с Лапиным, сразу звоните.

Она ушла, а я опустился на кушетку. Кто платит людям в министерстве, мне еще днем в санатории объявила сама Капитолина Леопольдовна. Доказательством это, конечно, не назовешь, зато с письма можно было начинать. А раздуют это дело до суда или нет, санаторий с его предписаниями и завтрашняя ревизия Лапина ждать не станут. Я отправил Наилю сообщение: «*Запроси утром у Чугуева номер и дату сопроводительного письма из министерства к обращению*». Потом открыл контакт Капитолины Леопольдовны и долго на него смотрел, но звонить старухе было слишком поздно.

Лег я только в первом часу ночи. И моментально отрубился.

***

Разбудил меня лязг ведра: санитарка мыла коридор, а дверь ординаторской, где я ночью провалился в сон, была приоткрыта. Первой мыслью стало, что Лапин жив, ведь, если бы что с ним случилось, меня бы разбудили.

Я сел на короткой кушетке, чувствуя, как задеревенела спина, потянулся и пошел в реанимацию.

Самарцев сидел на табурете у изголовья в том же халате, что и вчера, и пил чай из крышки термоса. Лапин лежал на аппарате, под простыней на животе стояла герметичная повязка, от нее к отсосу шли две трубки, и по ним тянулось что-то розоватое. На мониторе шла мерцательная, чуть за девяносто, давление сто десять на шестьдесят пять.

— Ну и ночка выдалась! — со стоном сказал Самарцев вместо приветствия, подвинув мне лист назначений. — Как есть хоррор, Сергей Николаевич! Докладываю по порядку. В час калий шесть и три, комплексы опять поехали вширь. Кальций повторил, инсулин дал один раз, проверив сахар глюкометром, удержал. В половине второго позвонил в Йошкар-Олу, договорился о переводе на диализ, они начали собирать бригаду. В два сорок объем восполнил, моча пошла, дал фуросемид. К трем диурез сто пятьдесят в час. В четыре калий пять и шесть. Бригаду отменил, они не обиделись. В шесть калий пять и один, лактат два и восемь, был шесть. Норадреналин на трети от вечернего, ниже пока не иду. По дренажам за ночь двести пятьдесят, серозно-геморрагическое, темп падает. Давление в мочевом пузыре десять. Свертываемость на гепарине в целевом. Креатинин утром сто сорок, вечером был девяносто.

— Значит, почки, — сказал я.

— Почки, — согласился он. — Гипотония для них даром не прошла. Но диурез держат, калий идет вниз, и пока это главное. Если бы не держали, вы бы сейчас разговаривали с бригадой из Йошкар-Олы, а не со мной.

— А меня почему не подняли, Николай Борисович? — спросил я. — Я же просил будить по Лапину сразу.

— Потому что хирург мне ночью был не нужен, Сергей Николаевич, — ответил Самарцев. — Калий и почки — это моя работа, а живот у него молчал, и по дренажам все шло спокойно. Закровил бы он, я бы вас сам поднял. А выспавшийся вы мне сегодня нужнее.

Выходит, первая утренняя мысль меня обманула: за ночь с Лапиным случилось многое, просто Самарцев справился сам.

Глядя на Лапина, я запустил диагностику.

Диагностика завершена.

Объект: Лапин Илья Степанович, 71 год.

Основные показатели: температура 36,4 °С, ЧСС 92, АД 110/65, ИВЛ 14 в минуту.

Обнаружены аномалии:

— Состояние после эмболэктомии из верхней брыжеечной артерии: кровоток в стволе и ветвях сохранен.

— Состояние после резекции сегмента подвздошной кишки, анастомоз не сформирован: ушитые концы кишки жизнеспособны, признаков некроза по протяжению оставшейся тонкой кишки не выявлено.

— Острое повреждение почек, 1 стадия, на фоне перенесенной гипоперфузии.

— Калий плазмы 5,1 ммоль/л, снижение.

— Фибрилляция предсердий, частота желудочковых сокращений 92 в минуту.

Прогноз при продолжающейся интенсивной терапии: состояние тяжелое, риск летального исхода в ближайшие сутки умеренный, исход не определен.

Кишка жива, по крайней мере, все, что от нее осталась, но показание Системы к делу не подошьешь: сослаться мне было не на что, кроме «по-моему», и я оставил это при себе до ревизии.

На стойке у изголовья висели норадреналин и гепарин в перфузорах, десятипроцентная глюкоза и два антибиотика, цефтриаксон с метронидазолом, а на столике лежал начатый шприц с фуросемидом.

Я посмотрел на все это разом, и «Природа веществ» моментально развернула схему.

Анализ схемы воздействия на объект: Лапин Илья Степанович, 71 год

Компоненты в поле зрения: норадреналин; гепарин натрия; глюкоза 10%; фуросемид; цефтриаксон; метронидазол.

Совокупное действие схемы для данного организма: выведение калия почками при текущем темпе диуреза превышает поступление из реперфузированной кишки.

— Фуросемид: при падении темпа диуреза выведение калия перестанет покрывать поступление из кишки; при сохранении текущего темпа — риск гипокалиемии через 6–8 часов.

— Гепарин натрия: антикоагулянтный эффект в целевом диапазоне; признаков нарастающего кровотечения по дренажам нет.

— Норадреналин: поддержание давления; на текущей дозе перфузия почек достаточна.

— Цефтриаксон, метронидазол: взаимного ослабления нет.

Взаимного усиления и ослабления компонентов, значимого для данного организма, не выявлено.

— Николай Борисович, — сказал я. — Фуросемид я бы давал с оглядкой на анализы калия. Если калий и дальше будет падать так же быстро, часам к двум нам придется его не выводить, а добавлять.

— Уже записано, — ответил Самарцев и ткнул пальцем в лист. — Следующий анализ на калий в восемь. Если он покажет ниже четырех с половиной, фуросемид отменяю.

Мне было нечего добавить, и я так и сказал.

Отодвинув назначения, я упер ладони в поясницу и прогнулся, а когда повел плечами, в спине громко щелкнуло.

— На вас смотреть страшно, Сергей Николаевич, — сказал Самарцев. — Кушетка в ординаторской вам не по росту, я на ней как-то пробовал поспать, так потом дня три как на шарнирах передвигался.

— Разминкой обойдусь, Николай Борисович, — ответил я. — Читал исследования про перерывы у хирургов: во время операций им давали паузы на растяжку между этапами, пол-

торы-две минуты. Больше половины потом отметили, что физически работать стало легче, часть — что проще сосредоточиться.

— Неудивительно, — согласился Самарцев. — Кровушка разгоняется, кровоснабжение улучшается, отсюда и ясный ум, и самочувствие. А вообще, вам бы отоспаться.

Хмыкнув — Николай Борисович надавил на больное — я запустил самодиагностику. Ого, а ведь у Системы юбилей!

Самодиагностика завершена.

Епиходов Сергей Николаевич, 36 лет.

100-й день после активации.

Текущее состояние: удовлетворительное.

Системная оценка: утомление после длительной нагрузки накануне, недостаточный сон. Признаков острого ухудшения состояния не выявлено.

Рекомендации: восстановительный сон.

— Жаль, но отсыпаться сегодня некогда, — сказал я. — А полторы минуты у меня есть. Потрачу на физическую активность, а то я в последнее время ее обычно тоже откладываю вместе со сном.

— Вот это уже похоже на диагноз, — заметил Самарцев. — Смотрите, Сергей Николаевич, других учите, а на себя совсем рукой махнули. А пока разминайтесь, да поактивнее.

Встав к стене, я свел лопатки и стоял так, пока Самарцев допивал чай. Это базовое статическое упражнение из лечебной физкультуры, которое здорово разгружает шею и поясницу, а заодно улучшает вентиляцию легких и выравнивает дыхание. В пояснице отпустило, и я отошел от стены.

В восемь пришла Изотова, которая спала, судя по лицу, не лучше моего. Она осмотрела повязку и проверила отделяемое, потом спросила давление в пузыре и получила от Самарцева ту же сводку, что и я, только еще короче.

— Я звонила в Йошкар-Олу, — сказала она. — Сосудистому и в реанимацию. Разобрали Лапина по цифрам вместе. Пока калий идет вниз и почки отвечают, полтора часа дороги на прессоре и с открытым животом дадут ему больше риска, чем пользы, а ревизию мы сделаем здесь не хуже. Решили так: ревизия у нас. Если после нее снимем прессор и закроем живот, они заберут на следующий день, пришлют машину с реаниматологом. Если калий снова пойдет вверх или почки встанут, повезем сразу, с их бригадой, не дожидаясь ревизии.

— По такой дороге я бы его сегодня не повез, — сказал Самарцев. — Ночью повез бы, если бы калий не пошел вниз.

— Ревизия в шесть вечера, — продолжила Изотова. — Сутки от закрытия живота. Оперирую я. Сергей Николаевич, вы будете рядом, посмотрите вместе со мной, что там ожило. Если понадобится что-то по сосудам, скажу. Но надеюсь, вы не пригодитесь.

— Буду, — коротко сказал я.

Кивнув, она пометила что-то в папке и ушла в кабинет главврача готовить бумаги к десяти. Сдав Лапина дневному анестезиологу ЦРБ по листу, сверху вниз, Самарцев пошел умываться перед комиссией. Я остался у койки. Аппарат дышал за Лапина. С его лица сошел свинцовый цвет, и пальцы на руке, лежавшей поверх одеяла, были теплые.

Наиль приехал без двадцати девять, когда я уже перебрался из реанимации в ординаторскую. Он привез мою синюю рубашку, выглаженную и чистую.

— Ева сказала, что во вчерашней рубашке вы на комиссию пойдете только через ее труп, — сообщил он.

Я переоделся тут же, в ординаторской, пока он раскладывал листы. На заседание шел небритым.

— Объяснительная готова, — сказал Наиль, положив передо мной лист. — Ваша фраза первым абзацем, дальше основание: статья одиннадцатая, экстренность, решение оперирующего хирурга о привлечении консультанта. Изотова свое решение оформила письменно, я взял копию у Щукина, и датировано оно было вчерашним днем, в семнадцать тридцать.

Я прочел: Наиль писал коротко и ясно, по существу все было верно, кроме одного слова.

— Тромбоз, — сказал я и показал ему строку. — «Эмболэктомия выполнена по жизненным показаниям в связи с тромбозом верхней брыжеечной артерии». Не тромбоз. Эмболия.

— А какая разница? — спросил Наиль. — Для Иванова, я имею в виду.

— Для Иванова никакой, — ответил я. — Для любого хирурга, который это прочтет, большая. Сгусток либо вырос на месте, в самом сосуде, либо его принесло кровью. У Лапина принесло: мерцательная аритмия плюс отмененный антикоагулянт, отсюда и пробка из сердца. Это эмболия, ее вытащили, и в бумаге должна стоять только она. Напишешь «тромбоз», и первый же эксперт станет искать в истории другую болезнь.

Исправив слово, Наиль спросил:

— Остальное верно?

— По моей части — да, — кивнул я. — Остальное по твоей.

— Тогда перейдем к другим вопросам, — сказал Наиль и придвинул три скрепленных листа. — По акту. Тут все предписания, сроки, кто отвечает и что нужно купить или переписать. Возле каждого пункта я написал фамилию ответственного. Там, где ваша, пометил, что именно от вас требуется: подпись или решение. Таких семь. Остальные закроют без вас.

Я просмотрел листы. Решений в них было два: письмо в ЦРБ о сроках выдачи анализов по действующему договору и график дезинфекции пищеблока. Первое я сразу подписал, а второе отложил, потому что график должна была составить тетя Нина, а не я.

— Пойдешь со мной, — сказал я. — Если Иванов спросит про вчерашнее, пусть отвечает Изотова, это ее решение.

— Понял, — сказал Наиль. — И еще одно, про письмо из министерства. Я запрошу его у Чугуева после заседания, наверное? Чтобы не при всех.

— Да, лучше после заседания, — согласился я.

Пока Наиль расчищал стол, я положил руки на колени и медленно подышал по 4-7-8, готовясь к финальному противостоянию с комиссией.

— Вам нехорошо? — спросил Наиль.

— Нормально, не мешай, это я собираюсь с мыслями.

Отпустило разве что в плечах. Юрист кивнул, и я поднялся. Слабо улыбнулся:

— Ну что, пойдем, Наиль Русланович? Есть у меня хорошее предчувствие, что сегодня с этой комиссией нам придется намного легче.

И мы пошли.

Глава 3

Кабинет главврача за ночь капитально выстыл, и члены комиссии, рассевшиеся на тех же местах, зябко поеживались. Я сел напротив Чугуева, который при моем появлении шумно зевнул, а Самарцев занял свой стул у стены. Наиль, прежде чем устроиться рядом со мной, отдал Иванову затребованную к началу заседания объяснительную, и тот сразу стал читать ее с карандашом в руке.

Чугуев перешел прямо к повестке: заседание продолжается, и первым вопросом стоит заключение эксперта по трем случаям в Моркинской ЦРБ. Открыв папку, Изотова прочла его. По каждому эпизоду шли уже отшлифованные пункты, потому что то же самое она вчера продиктовала Щукину в коридоре при мне. Заканчивалось оно общим выводом: медицинские вмешательства обоснованы, нарушений при их выполнении не выявлено.

— Елизавета Петровна, я вынужден возразить, — сказал Иванов, выслушав ее до конца, — не по существу, а по формулировке. У вас написано: «Нарушений не выявлено». Но вчера вы сами спрашивали Сергея Николаевича, почему в историях нет подписи заведующей отделением и почему в декабре у операционного стола стояла санитарка. Это нарушения или нет? Если да, то заключение противоречит вашим же вопросам. Если нет, то зачем вы их задавали?

— Это нарушения, Федор Ильич, — ответила Изотова. — Только разные. Подпись заведующей относится к порядку оформления документации, а санитарка у стола — уже к организации работы: той ночью в больнице не нашлось операционной сестры, и инструменты подавала Полина Фролова. Оба замечания у меня записаны отдельным разделом. А заключение эксперта отвечает на вопрос, который поставлен в обращении: законно ли было оперировать. Оперировать было законно и обоснованно. Так зачем сводить два разных вопроса в одну строку?

— Тогда лучше переформулировать, — предложил Иванов с задумчивым видом. — Написать, что нарушений при выполнении медицинских вмешательств не выявлено, но выявлены нарушения порядка оформления документации и организации работы операционного блока. И у каждого замечания должен быть адресат. Кто отвечает за историю болезни? Оперирующий хирург.

Я подался вперед, чтобы ответить сам, но Наиль тронул меня за рукав, и я не успел.

— За свои записи хирург отвечает, и в историях они полные: дневники, протоколы операций, назначения, — возразила Изотова. — Подпись заведующей он за нее поставить не может. Да и операционных сестер на ночные дежурства распределяет тоже не он. Так что адресат обоих замечаний — больница. То, что у меня есть к самому Сергею Николаевичу, записано в том же разделе, и он получит это под роспись вместе со всеми.

Перестав писать, Щукин посмотрел на Чугуева.

— Так и запишем, Григорий Владленович, — сказал Чугуев. — Заключение эксперта будет из двух частей. Первая: обоснованность вмешательств, вывод как прочитано. Вторая: замечания, по каждому с указанием, кому оно адресовано. Елизавета Петровна, вы перепишете к обеду?

— К обеду перепишу, Петр Петрович, — пообещала Изотова.

— Федор Ильич, вас это устраивает? — спросил Чугуев.

— Устраивает, — ответил Иванов, подумав, — при условии, что во второй части будет все, о чем спрашивали вчера, а не выборочно.

— Будет все, Федор Ильич, — заверила Изотова, глядя в папку.

Дальше заседание пошло быстрее.

— Николай Борисович, свое заключение о нетранспортабельности по прежним случаям вы подтверждаете? — спросил Чугуев.

— Подтверждаю, Петр Петрович, — ответил Самарцев, поднявшись со стула. — Писал его я и сегодня не изменил бы в нем ни слова.

Он подошел к столу и подписал второй экземпляр заключения, а Щукин внес это в протокол.

Потом Иванов взял объяснительную, в которой так ничего и не подчеркнул, и положил ее в свою папку рядом с решением Изотовой о привлечении консультанта.

— Объяснение я приобщаю к материалам, — заявил он. — Вчерашний случай в предмет этой проверки не входил, Сергей Николаевич, и оценку ему сегодня никто давать не будет. Но бумаги по нему уйдут вместе с протоколом. Потому имейте в виду, что и вопросы по ним еще могут появиться.

— Понимаю, Федор Ильич, — ответил я.

— Итог заседания следующий, — объявил Чугуев и снова невольно зевнул, прикрыв рот. — Акт по санаторию с предписаниями остается в силе, сроки у каждого свои. Протоколы по акту переданы для рассмотрения в установленном порядке. Ответ заявителю по обращению будет подготовлен с учетом заключения эксперта. Кадровый вопрос по главному врачу ЦРБ в предмет проверки санатория не входит и передается по принадлежности. Сергей Николаевич, первый контроль исполнения состоится через тридцать дней. Проводить его будет Елизавета Петровна.

— Я вас предупреждала, что проверять буду строго, Сергей Николаевич, — напомнила Изотова.

— Само собой, — отозвался я, сдержав вздох.

Бурштейн подошел ко мне, когда Чугуев уже встал, а Щукин еще дописывал.

— Я вам там ссылки отправил ночью, Сергей Николаевич, не стал ждать возвращения в Москву, — сказал Бурштейн. — Там три лекции академика. Ту, что про сосудистый шов, посмотрите первой. Мне интересно, что вы о ней скажете.

— Посмотрю, Яков Моисеевич, — пообещал я, хотя в прежней жизни сам читал эти лекции. Мне было интересно, что я теперь о них подумаю.

Он коротко пожал мне руку.

Когда комиссия стала собираться, я вышел из кабинета, а Наиль остался, чтобы без свидетелей поговорить с Чугуевым о письме.

Вернувшись, он нашел меня в ординаторской хирургии.

— Петр Петрович дал мне посмотреть то самое письмо, — сообщил Наиль. — Копию обещал предоставить только по письменному запросу, я его тут же составил, и он принял. Но прочесть позволил при себе и показал штамп регистрации на обращении, прикрыв листом все остальное. Я все переписал.

Он положил передо мной блокнот. Судя по записям, письмо было на бланке министерства с исходящим номером и датой на четыре дня позже той, что стояла на штампе регистрации, а подписал его заместитель министра, чью фамилию я знал по бумагам санатория.

Содержание умещалось в один абзац: в связи с поступившим обращением министерство просит включить в предмет проверки сведения о трех случаях оказания Епиходовым С. Н. экстренной хирургической помощи в Моркинской ЦРБ в прошлом году. Ни имени заявителя, ни того, откуда взялось это число, в тексте не было.

— Интересно, почему речь только о трех случаях? — задумался я.

— Я тоже заметил, Сергей Николаевич, — отозвался Наиль. — В обращении, по словам Чугуева, эпизоды в ЦРБ упомянуты без числа, там написано «неоднократно». Число появилось в письме. Я вижу два варианта того, откуда оно взялось. Либо министерство само запрашивало больницу, на бумаге или по телефону, и тогда там есть входящий номер или человек, который отвечал. Либо число проведенных вами операций донесли вместе с просьбой о письме. То

есть его знал тот, кто просил. Запрос на копию остался у Чугуева, ответить он обещал дней за десять. Что дальше?

Второй вариант мне понравился меньше первого: если кляузник знал детали моих операций, значит, охотятся не на санаторий, а на меня, и раз дело дошло до министерства, под угрозой уже мое право оперировать.

— Мне надо подумать, — ответил я. — А ты, пока мы здесь, зайди в приемную главврача и узнай, запрашивало ли министерство что-нибудь у больницы до этого письма и что ему ответили. Потом поезжай в санаторий и работай по перечню замечаний Изотовой.

— Понял, Сергей Николаевич, в приемную зайду сейчас же, — сказал Наиль и вышел.

А я позвонил следователю.

— Все совпадает с тем, что вам уже передал Наиль Русланович, — сказал я, когда представился и объяснил, зачем звоню.

— Тогда жду вас в четверг, к одиннадцати, дадите показания по нападению на Япара Сербаева, — ответил следователь. — Про третий пожар материал выведен в отдельное производство.

— А по первым двум? — спросил я.

— По первым двум пожарам… разговор нетелефонный, Сергей Николаевич, — сказал он. — Приезжайте, тогда и поговорим.

Потом пришла очередь Карасева. Гудки тянулись, и я уже собрался отключиться, когда он отозвался.

— Филипп, вы просили помочь в поисках того, кто мог атаковать Япара, — сказал я. — Мы все выяснили. Это Смирнова Любовь Павловна. Ее оформили подозреваемой по нападению на Япара. Она во всем призналась нам, а потом и при участковом все повторила. Третий пожар в роще тоже ее рук дело, только по неосторожности, и дело по нему отдельное. Про первые два следователь по телефону говорить не стал, но он что-то выяснил. Я с ним встречусь.

Филипп Карасев молчал так долго, что мне показалось, он отключился, и я проверил экран — нет, он был на линии.

— Значит, Любовь Павловна… — проговорил он наконец.

— Да, — подтвердил я. — Вы к Япару вчера ездили, Филипп?

— Ездил, — ответил Карасев. — Наших при нем двое, они сменяются. На днях я к вам заеду и расскажу, что узнал от Япара. И про Любовь Павловну ему скажу сам.

Потом я посидел с телефоном в руке, решая, кому позвонить теперь, после чего открыл контакт Капитолины Леопольдовны.

— Сережа, — сказала она. — Ну что, водитель комиссии жив?

— Жив, Капитолина Леопольдовна, — ответил я. — Вы хотели поговорить с глазу на глаз. Сегодня я останусь в больнице, так что готов завтра.

— Значит, созрели… — протянула она довольным голосом. — Хорошо, давайте поговорим. Но если вы насчет проверки… Сережа, я не пишу писем. Мне проще позвонить. Если бы я хотела вам навредить, вас проверяли бы совсем иначе. Подумайте, кому вы перешли дорогу?

— Вы переводите стрелки, Капитолина Леопольдовна, — сказал я.

— Нисколько, Сережа, — не согласилась она. — Остальное обсудим лично. До завтра. Передайте Николаю Борисовичу, что он молодец.

И она отключилась.

Вот же зараза. И про Самарцева не просто так сказала — намекнула, что держит ухо востро и в курсе всего. Ну-ну.

Тут в ординаторскую заглянул Наиль.

— В приемной письменного запроса из министерства нет, Сергей Николаевич, — сообщил он. — Секретарь при мне подняла входящие с декабря. Если министерство и спрашивало

больницу о ваших операциях, то по телефону, а кто мог ответить, она не знает: кабинет главного пустует, а на звонки отвечает тот, кто окажется рядом.

— Значит, первый вариант не подтвердился, — заметил я.

— Но он и не опровергнут, — поправил Наиль. — Звонки в журнал не записывают. Я поехал в санаторий.

Пошли вторые сутки, как я в больнице. Подумав, чем заняться, я решил пообедать, а потом все же одеться и прогуляться по улице — взбодриться, разогнать кровь. Потом было бы неплохо поспать здесь же, на кушетке, потому что в шесть Изотова откроет Лапину живот, и к этому моменту лучше быть отдохнувшим.

После прогулки, прежде чем лечь отдохнуть, я зашел в реанимацию. Судя по листу назначений, в восемь калий был четыре и восемь, а в десять уже четыре и четыре, поэтому фуросемид отменили.

Встав у койки, я запустил диагностику.

Диагностика завершена.

Объект: Лапин Илья Степанович, 71 год.

Основные показатели: температура 36,5 °С, ЧСС 88, АД 112/66, ИВЛ 14 в минуту.

Обнаружены аномалии:

— Состояние после эмболэктомии из верхней брыжеечной артерии и резекции сегмента подвздошной кишки, анастомоз не сформирован.

— Острое повреждение почек, 1 стадия.

— Фибрилляция предсердий, частота желудочковых сокращений 88 в минуту.

Динамика (сравнение с утренней диагностикой, интервал 5 часов 20 минут):

— Калий плазмы: 5,1 → 4,3 ммоль/л.

— Острое повреждение почек: без нарастания.

Калий пришел в норму и после отмены фуросемида почти не падал, почки не сдавали, и я наконец выдохнул.

За столом писал дневной анестезиолог.

— Николая Борисовича я уложил в комнате дежурного, — сказал он, увидев, что я ищу глазами табурет у изголовья. — Он вел Лапина всю ночь, а вечером Елизавета Петровна просит его на наркоз. Он велел поднять его в пять.

— Правильно сделали, — одобрил я. — Я буду в ординаторской хирургии. Если понадоблюсь, будите.

В ординаторской я лег на короткую кушетку и сразу уснул.

***

Разбудил меня дневной анестезиолог, когда за окном уже стемнело: Изотова мылась, Лапина везли в операционную. Спал я крепко и, судя по спине, ни разу не перевернулся, зато проснулся с ясной головой, хотя и с одеревеневшим телом. Пришлось хорошо размяться, прежде чем следом за Изотовой я встал к раковине.

В операционной у изголовья уже сидел умытый Самарцев в свежем халате, хотя глаза у него оставались красными от недосыпа.

— Норадреналин днем сняли в четыре, без меня, — сообщил он. — Давление Лапин держит сам. Калий четыре и два, лактат один и девять. Моча идет. Смотрите свою кишку, Сергей Николаевич, я вам мешать не буду.

Оперировала Изотова. Я стоял напротив нее, на своем вчерашнем месте, только теперь руки у меня были свободны. Впрочем, я ничего не трогал, с замиранием сердца наблюдая за

действиями Изотовой. Хоть Система еще утром показала, что некроза нет, все равно я боялся, что в ране окажется черная петля.

Когда убрали повязку и пленку, темные петли, которые вчера только розовели пятнами, лежали розовые все до единой. Они блестели, и по ним шла медленная волна перистальтики, которой мы накануне дожидались, глядя на часы. Стенка была еще отечная, но уже не рыхлая. Ушитые концы — сухие и живые: Изотова взяла каждый пинцетом, и оба сократились.

Диагностика завершена.

Объект: Лапин Илья Степанович, 71 год.

Основные показатели: температура 36,6 °С, ЧСС 84, АД 118/70, ИВЛ 14 в минуту.

Обнаружены аномалии:

— Состояние после эмболэктомии из верхней брыжеечной артерии: кровоток в стволе и ветвях сохранен.

— Состояние после резекции сегмента подвздошной кишки, анастомоз не сформирован: оба ушитых конца жизнеспособны, необратимого повреждения тканей по протяжению оставшейся тонкой кишки не выявлено.

— Острое повреждение почек, 1 стадия, регресс.

— Фибрилляция предсердий, частота желудочковых сокращений 84 в минуту.

Динамика (сравнение с диагностикой после операции, интервал 23 часа 30 минут):

— Отек кишечной стенки: выраженный → умеренный.

— Что скажете? — спросила Изотова, не поднимая головы.

— Ваша вчерашняя граница резекции была правильной, Елизавета Петровна, — ответил я. — Ни выше, ни ниже ничего не умерло.

— Вижу, — сказала она. — Николай Борисович, что у вас?

— У меня все стабильно, — доложил Самарцев. — Захотите соединять — я не против. Решите ждать еще сутки, тоже переживу.

Изотова еще раз внимательно осмотрела концы кишки и аркады — дугообразные кровеносные сосуды в брыжейке, которые соединяют ветви артерий и идут вдоль края кишки, обеспечивая стабильное кровоснабжение. Потом подняла глаза на меня. Я промолчал, потому что это была ее операция и ее пациент.

— Соединяем, — распорядилась она. — Стенка плотная, отек спал настолько, что ее можно шить, давление у него свое. Еще сутки открытого живота дадут ему больше инфекции, чем пользы. Накладываю двухрядный анастомоз бок в бок. Живот закрываю.

— Согласен, — сказал я.

Дальше я смотрел, а когда она попросила, проверил линию шва: кишка выше и ниже была проходима, и нигде не подтекало. Края фасции на этот раз удалось свести, и их ушили, оставив дренажи. Из операционной Лапина увезли живым и с закрытым животом.

Еще до того, как каталка скрылась за дверью, я успел вызвать диагностику с предиктивным моделированием. Из всего заключения мне была нужна последняя строка:

Прогноз при продолжающейся интенсивной терапии: *состояние тяжелое, стабильное, риск летального исхода в ближайшие сутки умеренный, исход не определен.*

Остальное зависело от его почек и от Йошкар-Олы. Изотова позвонила туда при мне: машину с реаниматологом обещали завтра к полудню.

В реанимации, где нас ждали, Самарцев сдал Лапина ночному анестезиологу ЦРБ, пройдя с ним весь лист назначений, и только после этого стянул шапочку.

— Я остаюсь до утра, — объявила Изотова. — А вы оба езжайте отдыхать. Николай Борисович, вам нужно хорошенько отоспаться. Сергей Николаевич, вам тоже, но хорошо бы еще в санатории исполнить предписания.

— Исполним, Елизавета Петровна, — глухо ответил я.

Наиль приехал за нами по моему звонку. Самарцев сел спереди, сказав, что поедет к себе.

— Николай Борисович, суббота и воскресенье ваши, — сказал я, дождавшись, пока он пристегнется. — Отдыхайте. В санатории как-нибудь справимся без вас. И еще Капитолина Леопольдовна просила передать, что вы молодец.

— Не возражаю ни против первого, ни против второго, Сергей Николаевич, — отозвался он и уснул раньше, чем мы тронулись.

Когда Наиль довез его до дома, пришлось долго будить.

Потом, пока ехали до санатория, я открыл ссылку Бурштейна с видеолекцией про сосудистый шов. Убавив звук, я поднес телефон к уху. Лектор не торопился, и я не сразу поверил, что этим глуховатым голосом когда-то говорил сам. Когда же я ее читал? Лет пятнадцать назад, не меньше.

Слушать себя прежнего оказалось труднее, чем я думал. На первых же словах о натяжении нити я понял, что если не остановлю запись, то не запомню из нее ничего, а хорошо бы освежить знания. Выключил и пообещал себе дослушать завтра на свежую голову.

Тетя Нина не спала и, ни о чем не спрашивая, налила нам с Наилем супа. Я съел и добавку, после чего поднялся к себе и лег, не раздеваясь до конца.

Проснулся я в субботу сам, когда уже рассвело. Сначала проверил телефон, куда Изотова в семь утра прислала сообщение: «*Лапин стабилен. Ждем машину*».

Вспомнил, что вчера вечером вышел в эфир выпуск программы Таисии Милославской с моим участием. Показывали программу, пока я стоял в операционной, так что посмотреть у меня не получилось. Надо бы найти запись…

С этими мыслями, не вставая с кровати, я запустил и самодиагностику.

Самодиагностика завершена.

Епиходов Сергей Николаевич, 36 лет.

101-й день после активации.

Текущее состояние: удовлетворительное.

Системная оценка: восстановление после длительной нагрузки; продолжительность ночного сна достаточная; признаков истощения энергетического ресурса не выявлено.

Рекомендации: регулярное питание; в течение дня избегать повторной длительной нагрузки.

Ну вот и хорошо. Снова захотелось есть, но уже по-человечески, смакуя вкус и получая удовольствие. На сегодня у меня были запланированы два неприятных, но важных дела. Во-первых, уже пошли сроки по акту комиссии, и Наиль вместе с Евой и Сашулей наверняка с самого утра сидели над перечнем доработок. А еще мне предстоял непростой разговор с Капитолиной Леопольдовной.

Спустившись с этими мыслями к тете Нине, я съел все, что она поставила на стол: омлет с куриными котлетами на пару. Ну вот, хотя бы не пирожки с оладушками. За завтраком я поговорил с ней и Аленой Петровной, а потом ушел в кабинет, где меня ждал сердитый Валера. Похоже, в мое отсутствие он объявил эту территорию своими личными владениями.

Там меня и застал звонок.

— Сергей, ты в курсе, что адвокат Ирины Епиходовой требует у тебя через суд архив академика? — спросил Владимир, даже не поздоровавшись.

Глава 4

Я уже так давно не вспоминал про Ирину, что сначала даже не понял, о чем речь. Какой-то адвокат какой-то Ирины Епиходовой с какого-то перепугу требует у меня через суд архив академика?

Потом дошло, но недоумение осталось:

— Постойте, Владимир Николаевич… Через какой суд? Ирину же взяли.

— Взяли ее, а не ее адвоката, — возразил Владимир. — Дети академика оспаривают завещание, это ты знаешь. Ирина в том деле ответчица. Так вот, адвокат у нее теперь новый, и на этой неделе он подал ходатайство, требует изъять у тебя документы академика. Ты там никто. Просто бумаги лежат у тебя, вот их и просят, а заодно хотят втянуть тебя в процесс. Довод такой: без них нельзя понять, что вообще входит в наследство.

— Суд уже решил? — уточнил я.

— Нет, — ответил он. — Ходатайство подано, суд его еще не рассматривал. На какое число назначено заседание, я тебе не скажу, потому что сам бумаг не видел — мне пересказали. Процесс ведет небезызвестный тебе Артур Давидович Караяннис, через него твой юрист и добудет копии. Только Караяннису не говори, от кого узнал.

— Погодите, какой архив, Владимир Николаевич? — спросил я. — У меня нет архива академика.

— Зато, Сергей, у тебя есть то, что они называют архивом, — сказал Владимир. — Это тетради, черновики, данные. Кто, что и на каком основании тебе передал, будешь объяснять суду, а не мне. Я о другом. Если суд ходатайство удовлетворит, документы придется представить, а дальше их внимательно изучит противная сторона. Вся. Ты понимаешь, кто у нее за спиной?

— Не собираюсь я никому ничего передавать, — сказал я, и вышло раздраженнее, чем хотелось.

— Собираться или не собираться будешь потом, Сергей, — осадил он. — Караяннис будет возражать, и говорят, ему есть чем. Но это просто даст отсрочку. Так что сядь со своим юристом и разберись, что у тебя есть, откуда оно и чье. Сегодня. И еще. Ирина хоть и под следствием, но адвокат у нее очень хороший и дорогой. Кто ему платит, мы выясняем. Пока это все.

— А что… — начал было я.

— А то, Сергей, что подстрахуйся, — сказал он и отключился.

С телефоном в руке я уставился на стенку. Валера прыгнул мне на колени, и я, машинально поглаживая этот мурчащий сусликоподобный трактор, попытался понять, что меня в этом звонке задело сильнее всего.

Сам архив академика новостью отнюдь не был, ведь про то, что Ирина до него добирается, я знал с того вечера, когда ее Эльза выспрашивала у меня, как выглядят тетради и где такое хранят. Встревожило другое: Ирина сейчас под следствием, Лысоткин при смерти, Михайленко то ли в бегах, то ли уже взят, а ее адвокат внезапно подает бумаги в суд, и платит ему кто-то, кого Владимир не знает. Или же он категорически не хочет мне его называть. То есть ничего еще не закончилось.

Уже несколько человек говорят мне о неких лицах, заинтересованных в моих исследованиях из прошлой жизни.

Сначала был тот подозрительный сухой человек на дне рождения Таисии, который назвал меня последним учеником академика и посоветовал беречься. Потом от Борьки Терновского я услышал про то, что ко мне проявляют интерес, причем «не институт, не министерство, бери выше», и вот у Ирины вдруг появился престижный адвокат. Если за всем этим стоят одни и те

же люди, им нужно то, что мы с Марусей и Терновским собрали по тетрадям моего покойного друга Вадима и по моей собственной памяти. И нужно это им хоть со мной, хоть без.

Разумеется, вечная молодость, мощное здоровье и бессмертие волнуют каждого, особенно тех, кто у власти. Поэтому они сделают все возможное, чтобы прибрать мои наработки к рукам, а меня превратить в послушного исполнителя, работающего лишь на их омоложение. Не из-за этого ли я умер в своей прошлой жизни?

Боже, какой же я болван! Я хлопнул себя ладонью по лбу. Жизнь дала мне второй шанс, я мог бы нормально существовать в этом теле, но влез в то же дерьмо, из-за которого так глупо умер в первый раз. Ну невозможно поверить, что такая прожженная аферистка, как Ирина, вместо того чтобы окучивать каких-нибудь «танцующих» олигархов в Монако, вцепится в старого академика ради одной его квартирки и дачки. Да ни за что, значит, ее стопроцентно подсунули, для того чтобы она выполнила свою функцию.

То же самое с Михайленко и Лысоткиным. Какие бы они ни были претенциозные и хитрожопые, предугадать, что мои исследования могут в результате выйти на столь высокий уровень, эти ребята однозначно не могли. Мелко бы пакостили, максимум — грызлись из-за каких-то грантов со мной или из-за премиальных за количество статей в «Скопусе», но на этом все. А тут они прям целую аферу устроили, причем с моим физическим устранением. Убить человека ради пары научных статей? Бред, конечно же. Стопроцентно это все была чья-то постановка.

Чем больше я думал об этом, тем больше убеждался, что прав. И поведение Караянниса с этим его внезапно предавшим Иваном, и поступки других притянутых лиц — все это указывало на то, что был человек, который дергал за ниточки всю эту разношерстную толпу.

Что же мне делать?

В этом плане слова Капитолины Леопольдовны звучали как предупреждение.

Я задумался: по-хорошему нужно было бы, конечно, с ней поговорить еще раз. Само мое присутствие в санатории возле дорогих мне людей автоматически делало их мишенями. А меня ставило в уязвимую позицию. Также нужно было продумать пути отступления, причем так, чтобы я мог уйти в любой момент, внезапно, не подставив никого из родных и близких. Вот тут мне стало по-настоящему нехорошо, и вовсе не от грозящего суда. Маруся, Сашка и Терновский были далеко. А здесь, вместе со мной, жили тетя Нина, Алена Петровна, Ева и все остальные…

В общем, к моему сегодняшнему общению с Капитолиной Леопольдовной добавился еще один вопрос: не слишком ли многие вокруг интересуются тем, что я умею?

Одно я решил сразу: если дело дойдет до отъезда, санаторий останется тем, кто в нем работает, и заложником при мне не будет. Программа оздоровления разработана, останется только посвятить в нее Елисея, Сашулю и Самарцева. Понадобится ли такой шаг, я пока не загадывал, но продумать его все равно стоило. Береженого бог бережет.

Додумать мне не дали: снова завибрировал телефон. На этот раз звонил наш сторож Юрий Иванович, дядя Юра.

— Слушаю вас, Юрий Иванович, — сказал я, удивившись. За все время он набирал мне один раз — чтобы поздравить с Новым годом.

— Тут вас девушка спрашивает, Сергей Николаевич, — деловито сообщил он. — Пропускать или как?

— Какая еще девушка? — спросил я.

Никаких девушек, кроме Таисии, я не ждал, но она бы обязательно сообщила о приезде, а после звонка Владимира моя паранойя значительно обострилась.

— Говорит, некая Панасюк Ирина, — доложил глуховатый дядя Юра, и я услышал возмущенный женский визг. — А, не, Поносик, говорит.

— Марина Носик? — догадался я. — Пропускайте, Юрий Иванович. И покажите ей, куда идти, я выйду навстречу.

С одной стороны, из всех, кто мог приехать ко мне в субботу без предупреждения, Марина была самой безобидной. С другой — именно на ее примере Владимир объяснял, как легко перекупить людей из моего ближнего круга. Значит, расспрашивать ее лучше не при всех.

Валера, которого я ссадил с колен в кресло, досадливо фыркнул и ушел демонстративно горевать на свой коврик. Во флигель мы этот коврик так и не перенесли — он переехал ко мне в кабинет. Да я особо и не настаивал, ведь стоило представить, как Валера сидит там один, без людей, и в ушах уже стоял ор на весь флигель. Я накинул пуховик и, отмахнувшись от вопроса тети Нины, выскочил наружу.

Подмораживало, снег поскрипывал под ногами. Пройдя десяток шагов между заснеженными елями, я увидел Марину: в стареньком пуховичке, с небольшим чемоданом на колесиках, она торопливо семенила по дорожке, стараясь не оскользнуться. При виде меня она резко остановилась.

— Сережа! — радостно воскликнула Марина и замахала рукой.

Она не сводила с меня глаз, а я давно ее не проверял и потому заново развернул профиль.

Носик Марина Владиславовна, 30 лет
7-й уровень социальной значимости.
Отношение к носителю: Обожание.
Сокрытое: Страх.

Обожание никуда не делось с того дня, когда я увидел его впервые, а вот строку «Сокрытое» навык тогда еще не показывал, так что давний это страх или сегодняшний, я не знал. Чего может бояться аспирантка первого года, если в Казани у нее закрыли и расформировали больницу, а сама она без предупреждения явилась к человеку, у которого недавно требовала должность заместителя? Да чего угодно: что ее не пустят или что я ее прогоню. Или что у меня тут тайная невеста есть. А может, там, откуда она уехала, что-то случилось. Шпионкой ее это не делало, но и безопасной тоже.

— Привет, Марина, — сказал я. — Ты все-таки решила приехать.

— Ну да, ты же говорил, что можно… — начала она и осеклась, вглядываясь мне в лицо.

Я думал, что она не воспользуется этим предложением.

— Добро пожаловать, — сказал я и взял у нее чемодан. — Пошли, замерзнешь.

— Как у вас тут красиво, Сережа, — восхищенно сказала она, оглядываясь. — Не лес, а сказка.

— Санаторий так и называется, «Лесная сказка», — засмеялся я.

— Правильно называется, — сказала она.

Я прикидывал, как поаккуратнее спросить, надолго ли она, но Марина меня опередила.

— Я к тебе вообще-то работать приехала, Сережа, а не лечиться, — заявила она и посмотрела мне в глаза.

— Вот как, — сказал я и остановился. — А как же аспирантура?

— Ой, не хочешь, я завтра уеду! — обиженно фыркнула она и попыталась выдернуть ручку чемодана у меня из рук.

— Да постой ты, Марин, — попросил я. — Не на морозе же обсуждать все это. Пойдем в тепло, там и спрошу все, что хотел.

Мимо холла я провел ее в пустой кабинет у входа, где пока стояли только стол и два стула. Тете Нине, выглянувшей из столовой, показал жестом, что все потом.

Поставив чемодан у двери, я повесил свой пуховик на спинку стула и сел напротив Марины.

— Теперь спрашиваю, — сказал я. — Аспирантуру ты бросила?

— Не бросила, Сережа. Академический отпуск оформляю, — ответила она, расстегивая пуховик. — Заявление руководитель подписал, дальше оно пойдет в отдел аспирантуры. Год потеряю, зато данные обработаю спокойно. А материал по гнойной хирургии мне в Москве все равно брать негде, к столу меня не пускают. У тебя тут хотя бы больница рядом.

— В санатории гнойных больных не будет, — предупредил я. — В ЦРБ они есть, а отделения под них нет. Это к разговору о материале. А руководитель отпустил тебя или ты сама так решила?

— Руководитель отпустил, — сказала она и отвела взгляд.

Я запустил эмпатический модуль, потому что после звонка Владимира верить на слово не имел права даже ей.

Сканирование завершено.
Объект: Носик Марина Владиславовна, 30 лет.
Доминирующие состояния:
— Тревога (74%).
— Обида (58%).
— Надежда (46%).
Дополнительные маркеры:
— ЧСС 102.
— Взгляд в сторону при вопросе о руководителе.
— Пальцы теребят замок пуховика.

Расчета в трех верхних строках не было, но модуль показывал, что человек чувствует, а не врет ли он. Про руководителя она могла сказать и правду. Значит, настроена решительно.

— Марина, — сказал я. — Лысоткин.

Она вздрогнула.

— Что с ним сейчас?

— В институте он не появляется после инфаркта, — ответила Марина. — Говорят, на реабилитации. А ехать сюда меня никто не подстрекал, Сережа, я сама. В Казани после девятой больницы репутация у меня такая, что никуда не берут, а в Москве аспирантские копейки и общежитие. Мама помогать не будет, ты же сам знаешь. Мне надоело бояться. И Муля еще этот противный.

Тревоги в ней стало меньше, когда она это выговорила. Видимо, высказала то, что давно лежало на сердце.

— Ладно, Марин, — сказал я. — Теперь поговорим о работе. Санаторий пока не принимает пациентов. У нас акт с предписаниями, сроки уже пошли, лаборатория не открыта. Врачебной ставки под тебя нет и, пока не откроемся, точно не будет. Могу оформить на подготовку к открытию: документы, отделения, оборудование. Но это не работа врача, я сразу говорю.

— А как же Елисей? — посмотрела она на меня в упор.

— А что Елисей? — не понял я.

— Ты его продвигаешь, Сережа, — упрекнула Носик. — Говорят, он скоро заведующим дома престарелых станет.

— Марина, — со вздохом ответил я, — это еще не решено. К тому же зарплата там небольшая. Так что Елисей подрабатывает у меня, в ЦРБ и в амбулатории в Чукше. И живет он там же, в доме невесты, так что работа у него под окнами. А тебе жить негде и добираться не на чем, да и зимой по этой дороге ты еще не ездила. Из Чукши до Морков добираться, уж поверь моему опыту, не так просто. Особенно если своего автомобиля нет.

— Что-нибудь придумаю, — беспечно махнула рукой Марина. — Я работы не боюсь. Никакой!

И тут я подвис. Хирургов в ЦРБ не хватало, а гнойными больными занимались общие хирурги между делом. Марина же как раз гнойный хирург с опытом профсоюзного председателя и с характеристикой, которую ей напишет любой из бывших коллег.

Главврачом ее никто не поставит, ведь кадровый вопрос по главному врачу ЦРБ комиссия вчера передала по принадлежности, то есть явно не мне. Но ставка в ЦРБ и материал для диссертации окажутся в двух шагах друг от друга. Если Сашуля, она же Александра Ивановна, возьмется присмотреть за ней на первых порах, может и прокатить.

— Слушай, Марина, — задумчиво сказал я, подбирая слова, — а если тебе пойти в ЦРБ? Хирургом, а там, может, будет и отделение. Гнойного у них нет, а в этом деле ты разбираешься лучше меня. Потянешь?

— Потяну, — ответила Марина, и глаза у нее озорно блеснули. — А что, представляешь: ты в санатории, я в райбольнице, Елисей в доме престарелых. Все главные места района за нами!

— Я сказал «хирургом», — напомнил я. — Главврачей назначают не в этом лесу. И на работу в ЦРБ принимаю тоже не я. Могу только спросить у Александры Ивановны, я тебе о ней рассказывал, с кем там сейчас разговаривать. Она сама бывшая главврач той больницы.

— Не надо за меня спрашивать, Сережа, — возразила Марина. — Я могу с ней и сама поговорить. Узнаю, где у них отдел кадров, в понедельник сама позвоню, договорюсь и поеду. Диплом, аккредитация и трудовая у меня с собой, в чемодане. А там, чем черт не шутит, может, и до главврача дорасту.

Вот такая Марина мне нравилась. Жизнь без опеки матери ей определенно шла на пользу и научила самостоятельности.

— Обязательно дорастешь! — улыбнулся я. — Кто, если не ты?

Она весело засмеялась и встала, после чего я с облегчением передал ее на руки Тайре Терентьевне и Алене Петровне — пусть размещают гостью. Тетя Нина уже убежала хлопотать, чтобы накормить ее с дороги.

Теперь мне нужен был Наиль, ведь разбираться с предупреждением Владимира предстояло ему. Нагрузка на него и так была конская: он не отдохнул после проверки, а я уже бросал его в новую историю.

— Где Наиль? — спросил я.

— А вон туда пошел, — махнула рукой Тайра Терентьевна и побежала за Аленой Петровной, которая уже вела Марину под руку по коридору и что-то ей рассказывала.

Развернувшись, я двинулся было туда, куда показали, но тут из коридорчика, ведущего к галерее с минеральной водой, вышел Чепайкин. Вид у него был деловой и сосредоточенный, а в руках он торжественно держал пластиковую бутылочку.

— Арсений Лукич, — покачал головой я, поздоровавшись. — Сколько раз я вам говорил, что эта минеральная вода теряет все лечебные свойства, если держать ее в пластмассовой таре. Кроме того, идеально, если вы набрали из минерального источника и сразу выпили.

— Да помню я, помню, — отмахнулся Чепайкин. — Это я так, с собой ношу, подкрепляюсь. Здоровье приращиваю, так сказать.

Взгляд у него при этом вильнул, так что бутылочка, похоже, предназначалась не ему.

— Послушай, Сергей Николаевич, — понизил голос Чепайкин и, взяв меня под руку, отвел к окну, где нас точно никто не слышал. — Есть разговор. Предложение, точнее.

— Слушаю вас, Арсений Лукич.

Я спешил, но не выслушать Чепайкина было бы свинством: столько всего мы вместе прошли, да и на тете Нине он скоро женится, считай, почти родственник.

— Слушай, — замялся Чепайкин, а потом, набравшись духу, выпалил: — А давай вот этим твоим порошком, который людей в зомбей превращает… как его… «ваза… ваза… рексин»?

— «Вазорелаксин-Икс», — подсказал я, стараясь не морщиться.

Название знал весь район, спасибо стримам про зомби и жалобе в Росздравнадзор, и то, что о нем говорят у меня в коридоре, было еще полбеды. Беда началась бы, если бы кто-нибудь решил, что порошок пригоден для домашнего употребления.

— Ну вот, если, например, Зинка, которая в магазине работает и жадная капец, в долг никогда не дает, так вот, если ее этим порошком накормить, так она, может, щедрая станет? Или же взять Ярослава, дрыщ такой, сосед мой, он живет от меня за два дома. Да ты его знаешь, он у тебя тоже лечился. Так вот, а что, если его накормить этим порошком, авось моментально поумнеет?

— А вам-то что с этого? — прищурившись, посмотрел я на него с подозрением.

— Да так, ничего, — смутился Чепайкин. — Просто спросил. Ради научного эксперимента.

— Я подумаю, Арсений Лукич. Спасибо, — сказал я самым что ни на есть серьезным тоном и уже хотел было идти дальше искать Наиля, как Чепайкин тревожно тронул меня за рукав.

— Так че, проверишь, Сергей Николаевич? А когда начнем?

— Проверю, проверю, — махнул рукой я и все-таки пошел, вырвавшись от прилипчивого деда. Потом в голову закралось подозрение, и я обернулся: — И еще, Арсений Лукич. Если кто-нибудь в поселке предложит вам этот порошок купить, продать или попробовать, сразу идите ко мне. Я не шучу.

— Да какие шутки, — пробормотал Чепайкин, и мне показалось, что он слегка разочарован.

Раздумывая по дороге, зачем Чепайкину понадобилось кормить Зинку и Ярослава «Вазорелаксином», я улыбнулся и все же отписался Еве: «*Проверь, пожалуйста, сегодня весь запас „Вазорелаксина“ там, где он сейчас лежит: все упаковки по счету и кто к нему подходил*».

Что там Чепайкин затевал на самом деле, я не знал, а вот то, что, по его словам, о пептиде «все знают», не понравилось мне куда больше, чем история с Зинкой.

Глава 5

Наиля я отыскал в самом дальнем конце коридора, где располагались недооборудованные еще грязелечебные кабинеты. Он сидел на корточках перед вскрытой стенной панелью, о чем-то с энтузиазмом споря с электриком. Вид у юриста при этом был такой, будто он лично только что разгружал вагоны с этой самой лечебной грязью и сейчас планирует этого электрика придушить.

— Наиль, что делаешь? — спросил я, поздоровавшись с мужиками.

— Да вот пытаюсь выяснить, почему мы переплачиваем за электроэнергию, — раздраженно фыркнул Наиль, и мне показалось, что он сейчас электрика током жахнет.

Тот опять промямлил что-то невразумительное, но я перебил:

— Слушай, Наиль, можно тебя на минуточку? Дело важное.

Он обернулся, вытирая тыльной стороной ладони вспотевший лоб, и по моему лицу сразу все понял. Молча кивнул обрадованному бедняге-электрику, поднялся и пошел за мной в пустующий рядышком физиокабинет.

— Что случилось, Сергей Николаевич? — глухо спросил он, прислонившись к подоконнику. — Вы явно чем-то встревожены.

— Из Москвы звонил человек, которому я верю, — сообщил я. — По делу детей академика о завещании новый адвокат Ирины подал ходатайство: истребовать у меня документы академика и привлечь меня к процессу. Суд его еще не рассматривал.

Наиль тихо выругался сквозь зубы, что на него было совсем не похоже. Обычно юридическая выправка и личная амбициозность не позволяли ему опускаться до лексикона Чепайкина.

— Так, — сказал он и выпрямился. — Само ходатайство у вас есть, Сергей Николаевич? Дата заседания известна?

— Нет, — ответил я. — Сам он бумаг не видел, ему пересказали. Говорит, что Караяннис будет возражать, но этим мы в лучшем случае выиграем время. Копии проси у Караянниса, это его процесс. Только о звонке ему ни слова. Скажи как-то так: дошло до доверителя, просим копии, и все.

— Понял, — отозвался Наиль, кивнув. — Тогда прямо сейчас напишу и позвоню Караяннису. Сегодня суббота, суд закрыт, так что раньше понедельника копий у него не будет, но то, что он знает, надеюсь, скажет. Пока бумаг нет, мы с вами обсудим пересказ. И еще, это главное: что именно у вас есть фактически? Я имею в виду тетради, флешки, распечатки, что-то еще? Где это лежит и откуда оно взялось?

Я задумался.

— Есть чемодан Вадима, в нем тетради и статистика с пометками академика, — начал перечислять я. — Это покойный супруг Алены Петровны, сподвижник академика, и именно она мне его и доверила. Еще есть мои полевые тетради и старый учебник с моими личными пометками, это мое. — Подумав, о формуле Вадима, найденной в его шахматах, говорить не стал. — Еще есть данные, которые я копировал с компьютера академика через неделю после… после его смерти. Статья на пятерых, она у Терновского и у меня. Остальное у меня в голове.

— Голову вашу суд истребовать не может, Сергей Николаевич, — хмуро заметил Наиль. — А вот все остальное надо описать по пунктам: что, где, откуда, чье. Чей чемодан, чьи бумаги внутри и что в них написано, это разные вопросы, но происхождение каждого листа мы должны выяснить раньше, чем о нем спросит суд. И отдельно отложите семейное, если оно там есть: письма, фотографии. Это уже не научный архив, а вещи наследников, о них разговор совсем другой.

— Я ничего им не отдам, — мрачно сказал я. — Проще сжечь.

— Сожжете — сами лишитесь бумаг, которыми могли бы подтвердить свои слова, — возразил Наиль. — А той стороне только это и нужно. И запомните, Сергей Николаевич: решения суда пока нет, есть только их просьба. Чтобы суд ее удовлетворил, адвокат обязан назвать конкретный документ, объяснить, что он доказывает, почему они не могут достать его сами и где он лежит. «Все, что хранится у Епиходова» так не истребуют, и Артур Давидович Караяннис это знает лучше меня. Гарантии тут нет, но требовать от них конкретики мы вправе.

— А если суд какую-то бумагу все же запросит? — спросил я.

— Передать ее суду не значит признать, что она принадлежит Ирине, — объяснил Наиль. — Вы в этом деле не наследник и не ответчик, вы человек, у которого что-то лежит. Наша задача — сделать так, чтобы к заседанию у нас была опись и понимание, где что находится. И ничего никуда не возить и не перепрятывать.

— Хорошо, Наиль Русланович, — согласился я. — Тогда давай начнем опись сегодня. И вот еще что. Электрика отдай лучше Еве, это ее хозяйство, а ты юрист. Перечень по акту у тебя расписан по фамилиям, так пусть люди по нему и работают, а ты в понедельник примешь готовое. На сегодня у тебя два дела: Караяннис и опись. Начни с Алены Петровны, чемодан ее.

— Я и сам хотел вас об этом попросить, — признался Наиль. — С утра я только и успел, что поругаться с электриком.

— И еще, — добавил я. — Мне сказали, что адвокат у Ирины новый и недешевый. Вот только кто ему платит? Вряд ли сама вдова.

Наиль собрался было что-то сказать, но осекся и, нахмурившись, посмотрел в окно на заснеженную аллею. Марина Носик, судя по всему, уже заселилась и вышла подышать: Алена Петровна все так же вела ее под руку, только теперь вдоль елей, и показывала на бювет.

— Сергей Николаевич, это ведь Носик из девятой казанской больницы? — спросил вдруг Наиль.

— Она, — подтвердил я. — Теперь она аспирантка в Москве, приехала сегодня и просится к нам работать.

— Кстати… — медленно произнес он, вглядываясь в женщин, — вам не кажется странным, что как только вокруг вас начинает затягиваться петля, в «Лесную сказку» одна за другой начинают слетаться птички из Москвы? Сначала Ротонос, теперь Носик… Вы уверены, что они приезжают сюда сами, просто «поработать» в лесу?

— Наиль, ты скоро даже Пивасика подозревать начнешь, — усмехнулся я. — Или Валеру…

Отшутился я легко, но ответил Наилю не сразу и уже без улыбки, потому что в своих подозрениях он был прав. Но наговаривать на этих двоих я не хотел, чтобы не вызывать предвзятого отношения со стороны юриста, поэтому напомнил:

— Елисея сюда я пригласил сам. Да и Марине обещал помочь, так что разберусь с ней тоже сам. А ты займись описью. Алену Петровну я сейчас приведу.

Мы вышли из физиокабинета вместе. Наиль сказал электрику, что дальше с ним будет разговаривать Ева Александровна, и ушел за ноутбуком, а я забрал пуховик из кабинета у входа и направился к аллее.

Женщин я догнал у бювета. Марина в своем пуховичке уже заметно мерзла, так что я отправил ее в тепло, к супу тети Нины, и она с явным облегчением заспешила к крыльцу. Я же подождал, пока она отойдет подальше.

— Алена Петровна, мне нужно спросить вас про чемодан Вадима, — сказал я. — Он остался в Москве или вы его привезли?

— Привезла, Сережа, а как же, — ответила она. — Разве я оставлю Вадиков чемодан в пустой квартире? Под кроватью у меня стоит. А что с ним не так?

— С ним все хорошо, — заверил я. — Наилю Руслановичу нужно переписать, что в нем лежит, лист за листом. Это для суда в Москве, чтобы мы сами знали, что у нас есть.

— Так там же Вадикова тетрадка сверху, — сказала Алена Петровна. — Он все пронумеровал и записал, что за чем идет. По ней и перепишете. Пойдемте, покажу, а то вы без меня там все перепутаете.

По дороге к корпусу я написал Наилю, чтобы шел с ноутбуком к Алене Петровне в комнату.

Чемодан старушка выдвинула из-под кровати сама и помочь мне не позволила. Ученическая тетрадь в косую линейку нашлась под самой крышкой, и первые же номера в ней сошлись с верхними папками.

— Алена Петровна, а семейного там ничего нет, писем или фотографий? — спросил я. — Наиль Русланович просил отложить такое отдельно.

— Нет, Сережа, Вадюша туда личного не клал, только работу, — ответила она, бережно разглаживая обложку тетради морщинистыми руками. — А карточки и письма надо смотреть у меня на Таганке, в альбомах. Сюда я их не брала, не до того было.

Я кивнул и расспрашивать не стал. В квартире академика, когда я был там в последний раз, не осталось ни одной фотографии Беллы.

Когда Наиль пришел с ноутбуком, Алена Петровна усадила его к столу, а сама устроилась рядом с тетрадкой. Постояв в дверях, я ушел, чтобы не стоять над душой. Справятся и без меня.

С Капитолиной Леопольдовной мы договорились встретиться в семь, так что у меня оставалось полдня, и это было мое первое личное время за всю неделю. Я не торопясь пообедал у тети Нины: самодиагностика с утра велела питаться регулярно и не наваливать на себя новых нагрузок в течение дня. В начале второго сообщение прислала Изотова: «Лапина забрали. Реаниматолог принял по листу». Ну что ж, Лапина увезли в Йошкар-Олу, и теперь за него отвечали уже другие.

После обеда, закрывшись в кабинете, я дослушал лекцию про сосудистый шов. К собственному голосу в записи я уже привык. Лектор, то есть я, объяснял, что нить затягивают до соприкосновения краев и ни на волос дальше, и я кивал, соглашаясь с самим собой. Бурштейну коротко написал, что лекция хорошая и про натяжение нити лучше не скажешь.

Вскоре ко мне зашла Ева.

— Сергей, не помешаю? Я пересчитала «Вазорелаксин», — сказала она с порога. — Все упаковки на месте, счет сходится с журналом. После проверки вернула препарат под замок.

— А откуда тогда о нем все знают? — спросил я и пересказал ей разговор с Чепайкиным.

— Про то, что он под замком, в санатории знали и до проверки, Сергей, это не новость, — ответила Ева. — Где он лежит сейчас, знаем мы с тобой. Но порядок я поменяю. Рабочий ключ будет теперь только один, у меня. Второй отдам тебе под подпись. И выдачу буду писать в отдельный журнал, а не в общий.

— Хорошо, Ева, — согласился я. — Это правильно. Кстати, там по электрику Наиль к тебе обращался?

— Пока нет, но я в курсе, — ответила Ева, вздохнув. — Электрик приходил жаловаться.

К пяти пришел Наиль с первой частью описи.

— Сергей Николаевич, не поверите, но пока успели сделать опись только трети чемодана — сверили с тетрадью Вадима, расхождений нет, — с порога доложил он. — Алена Петровна диктует лучше любого архивариуса. Остальное постараемся закончить завтра. По делу Ирины Караяннис ответил, что о ходатайстве знает, возражения готовит, а копии пришлет мне в понедельник… Почему он не позвонил вам сам, когда узнал, я спрашивать не стал.

— Мне бы тоже хотелось это знать, Наиль, — задумчиво ответил я.

А в семь без стука вошла Капитолина Леопольдовна. Сев в кресло напротив стола, она положила на колено блокнотик и левой рукой свинтила колпачок с авторучки. Пока она устраивалась, я развернул ее профиль, и Система показала те же две строки, что и в четверг.

Отношение к носителю: Исследовательский интерес.
Сокрытое: Расчет.

Следом я запустил эмпатический модуль и решил держать его до конца разговора, насколько хватит сил.

— Вы знаете, о чем я спрошу первым, Капитолина Леопольдовна, — начал я. — О проверке. Наиль Русланович вчера выяснил, что письменно министерство у больницы ничего не запрашивало. Значит, наводку они получили устно. Интересно, кто это был?

— Я, Сережа, — ответила она со своей добренькой улыбочкой заботливой бабулечки.

Сканирование завершено.
Объект: Бах-Келлер Капитолина Леопольдовна, 75 лет.
Доминирующие состояния:
— Уверенность истинная (81%).
— Удовольствие (57%).
— Циничная оценка (49%).
Дополнительные маркеры:
— ЧСС 74, без изменений при вопросе о письме.
— Контроль мимики.
— Ответ без паузы.

Она не оправдывалась и не боялась, ей было приятно. Модуль и теперь показывал, что она чувствует, а не правду ли говорит.

— Только вот я сказала им лишь то, что знала про операции, — продолжила она. — А к письму я отношению не имею. О нем мне самой сообщил человек, которому я плачу, когда оно уже лежало на подписи у замминистра. Остановить его я не могла. Зато знаю, что к этому письму готовили справку, и в ней хотели написать, что вы неоднократно оперировали, не имея допуска. С такой формулировкой комиссия подняла бы в больнице все ваши дежурства подряд и копалась бы до весны, если не до лета. Поэтому я попросила, чтобы вместо «неоднократно» там назвали три конкретных случая. Причем тех самых, где экстренность видна из истории, а пациент остался жив. Что это за случаи, я знала хорошо, потому что про ваши операции в Морках, Сережа, мне еще на Новый год рассказывали все, кому не лень. Остальное сделала Изотова, сама того не желая.

— Вы хотите сказать, что помогли мне, — уточнил я.

— Я хочу сказать, что вас проверяли бы в любом случае, а я выбрала, что именно и каким образом, — поправила она. — Убедиться в этом легко, Сережа. Справка осталась в министерстве, при втором экземпляре письма, там указаны три фамилии и три номера историй болезни. Пусть ваш Наиль запросит ее официально.

— И все же благодарить вас не вижу причин, Капитолина Леопольдовна, — ответил я. — Я вас об этом не просил. К тому же получается, что вы знали о проверке заранее, а я услышал о ней, когда машина комиссии уже стояла у крыльца санатория.

— Знала, — легко согласилась она. — Предупрежденный, вы вели бы себя иначе, а мне было важно увидеть, как вы действуете на самом деле.

— Тогда об этом и второй вопрос, про Любовь Павловну Смирнову, — сказал я. — Вы признали, что посоветовали ей обряд. Зачем? И в рощу ее послали тоже вы?

— В рощу я ее не посылала, Сережа, — ответила она и снова слегка обозначила улыбку. — Я сказала «к своим духам», а где у нее свои духи, ей виднее, она местная. Про рощу и про бензин она придумала сама. А зачем… — Она постучала ручкой по блокнотику. — Ваш порошок вернул ей трезвого мужа, который от нее ушел. И мне стало интересно провести

на ней опыт. Что она сделает, если ее направить? Ну, знаете, Сережа, просто дать совет, так сказать.

Эмпатический модуль обновил данные.

— Уверенность истинная (78%).
— Презрение (63%).
— Интерес (52%).

— Вы поставили опыт на пьющей женщине, — сказал я. — В итоге в роще был пожар, а Япар лежит в больнице с пробитой головой.

— Позвольте, но жечь рощу и бить кого-то по голове я не советовала, — возразила Капитолина Леопольдовна и резко перестала улыбаться. — Воистину, заставь дуру богу молиться…

От ее неприкрытого презрения мне стало противно, но обвинить ее и правда было не в чем, если все так, как она говорит. Понятно, что у Смирновой своего ума давно нет, весь пропит.

Так что я перешел к третьему вопросу, ради которого решил сказать ей то, чего она могла не знать.

— Вам известно, что на этой неделе новый адвокат Ирины Епиходовой, вдовы моего покойного наставника, подал в московский суд ходатайство: истребовать у меня бумаги академика? — внимательно отслеживая показания системы, спросил я.

— Удивление (66%).
— Интерес (71%).

Удивилась она по-настоящему, но вот чему именно, ходатайству или тому, что о нем знаю я, модуль не различал. Спрашивать в лоб, не она ли платит адвокату, при таком показании было бесполезно: ответит она что угодно, а проверить мне нечем.

— Не знала, — медленно ответила она и что-то записала в блокнотик, держа ручку сбоку и повернув блокнот так, чтобы мне не видно было, что именно она там записывает. — Кто вам это сказал?

— Что вы будете делать с этой новостью, Капитолина Леопольдовна? — спросил я вместо ответа.

Она захлопнула блокнотик.

— То же, что собиралась, только быстрее, — объявила она. — Слушайте внимательно, Сергей Николаевич. С кондачка такое не решают, но и тянуть вам уже некуда. Так что предлагаю так. Мои юристы войдут в это дело на вашей стороне, и с ними бумаги академика не увидит никто, кроме тех, кому вы их сами отдадите. Человека, который заказал проверку, я назову вам по имени, как только мы договоримся. А вы отдадите мне полный протокол вашего метода по «Вазорелаксину Икс»: схему, дозы, наблюдения по каждому, кого лечили порошком, от Ерофея до Райки.

— И все? — сделал вид, что готов на сделку, я.

— Ах да, вот еще, — оживилась старуха. — Вы должны показать мне архив покойного академика Епиходова. А когда перейдете работать ко мне, будете обязаны вести первых двадцать пациентов в моем центре лично.

— То есть имя того, кто заказал проверку, вы уже знаете? — уточнил я.

— Скажу вам точно: нет, это не Ачиков. Этот слизняк не того полета птица, чтобы ради него целую комиссию из Москвы собирать.

— Тогда кто? — сделал я попытку, отслеживая данные модуля.

— Пока не знаю, но выясню, — отрезала она. — Я плачу людям за то, чтобы знать все, что мне нужно. — Она протянула руку и улыбнулась. — Ну что, договорились, Сережа?

— Нет, Капитолина Леопольдовна, — ответил я, покачав головой. — За справку и три операции я вам ничего не должен, я ни о чем таком вас не просил. Уверен, вы это сделали ради каких-то своих интересов. Возможно, не хотели, чтобы я увяз в проверке, во время которой вряд ли бросил бы санаторий. Насчет препарата — тоже мимо. Протокол я не отдам никому: пептид не прошел ни одного нормального испытания, и за каждого, кто его принял, отвечаю лично я. В ваш центр, где хозяйка ставит на больных людях опыты, чтобы посмотреть, что они сделают, я его точно не повезу. Максимум, что я могу предложить, — это сотрудничество. Когда санаторий откроется, присылайте сюда своих врачей, и я покажу им все, что можно делать без вреда для больных. Больше мне предложить вам нечего.

Она помолчала, разглядывая меня. Презрения, судя по модулю, в ней не прибавилось, зато интерес ко мне вырос.

— Я говорила, что приглашаю только один раз, Сережа? — напомнила она, вставая. — Для тебя сделаю исключение. Предложение остается в силе, пока суд не рассмотрел ходатайство. После этого договариваться тебе придется уже не со мной, а с теми, кто тебя заказал. И чует мое сердце, что такие, как они, заранее предупреждать не будут.

И она ушла, оставив меня еще более загруженным, потому что ее ответы породили еще больше вопросов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.